ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Четверг, 26 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 46 (682)

ПОБЕДА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

На фронте исторической науки — большая и важная победа. Создан новый, подлинно научный и подлинно марксистский учебник истории СССР для 3 и 4 классов средней школы. Это первый учебник, очищенный от отвлеченных и вредных, антиленинских схем вульгарных социологов, от ошибочных и враждебных «теорий», гулявших в исторической литературе. Учебник дает учащимся советской школы подлинную историю, правдиво освещая исторические факты и события в их хронологической последовательности, характеризуя выдающихся исторических деятелей. Советский школьник в 3 и 4 классе будет изучать историю СССР на основе усвоения конкретных фактов и событий, о которых в живой и увлекательной форме рассказывает учебник, вооружая наших детей знанием истории нашей страны.

Учебник гражданской истории СССР — могучее средство воспитания нашего юношества и детей. Созданный группой историков под руководством проф. А. В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», рассказывая в 15 главах историю нашей родины от возникновения первых государств на нынешней территории СССР и вплоть до великой эпохи победы социализма включительно, вооружает школьника пониманием того, как из страны отсталой, убогой и бессильной наша родина превратилась в могучую, обильную, передовую страну. Книга воспитывает в молодом читателе чувство гордости своей родиной, любви к ее народам, восхищения их исторической борьбой за независимость и свободную жизнь; она воспитывает ненависть к угнетателям и врагам народа, горячую и преданную любовь к большевистской партии, к великим народным вождям Ленину и Сталину, организовавшим и обеспечившим победу социализма.

Убедительно и ярко учебник рассказывает о многовековой борьбе народных масс за свое освобождение, о восстаниях крестьянских масс против бояр и помещиков, о революционной борьбе пролетариата, о железной когорте пролетарских революционеров-большевиков, воспитанных партией Ленина—Сталина. В главе о Великой октябрьской социалистической революции просто и сильно раскрыто ее международное значение, показана борьба большевиков с соглашательскими партиями и с предателями Троцким, Зиновьевым и Каменевым, красочно рассказано о гигантской работе нашей партии по подготовке и организации октябрьской победы. Страницы, посвященные гражданской войне пролетариата и крестьянства против об'единенных сил российских и иностранных капиталистов и помещиков, знакомят читателя с замечательной деятельностью Ленина и Сталина по организации вооруженных сил революции и руководству ими, показывают плеяду народных героев гражданской войны, рассказывают о борьбе за социализм внутри молодой советской страны.

Рассказав об огромной работе по восстановлению хозяйства после победного окончания гражданской войны, учебник описывает затем борьбу партии и всех трудящихся за широкое развертывание социалистического строительства. Строительство социализма, героический труд и замечательные победы новых людей, воспитанных сталинскими пятилетками, показаны на ярких, конкретных фактах и примерах. Рассказ о борьбе партии с врагами народа, пытавшимися препятствовать осуществлению сталинского плана социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, о гнусной «работе» фашистских наймитов — Троцкого, Бухарина и Рыкова, этот рассказ естественно подводит молодого читателя к выводам о бдительности, как важнейшем качестве каждого гражданина Советского Союза.

Учебник вооружает советскую школу и педагогов марксистским выдержанным и надежным пособием для изучения истории, мощным оружием политического воспитания бойцов за коммунизм. Трудно переоценить значение этого успеха. Он — результат постоянного пристального внимания партии и правительства к вопросам преподавания истории. Известное постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года о преподавании истории в школах, опубликованные 26 января 1936 года замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов новых учебников истории, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 марта прошлого года об организации конкурса на лучший учебник истории — все эти важнейшие документы партии и правительства создали перелом на фронте исторической науки. «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова — показатель первых успехов на этом фронте, нуждающихся в дальнейшем развитии и закреплении. Борьба за марксизм—ленинизм в исторической науке еще далека от окончания. Историкам-марксистам предстоит немало еще поработать под руководством Центрального Комитета нашей партии для полного изгнания и разгрома вредных «теорий», насажденных разоблаченными лжеисториками, и для создания новых марксистских учебников.

Развернутое постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник, опубликованное в нашей печати, является ценнейшим документом, выражающим линию партии в вопросах исторической науки. Этот документ должен быть тщательно изучен всеми работниками идеологического фронта, в частности советскими писателями. Без тщательного изучения указаний товарищей Сталина, Жданова и Кирова, решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, постановления Жюри конкурса невозможна работа советских писателей над историческим романом.

Здесь, в области исторического романа, в советской литературе было немало неудач и прорывов. Вредные и враждебные антиленинские «теории» нашли свое выражение в таких книгах, как «Дикий камень» З. Давыдова, как «Смута» Галкина, как «Людоловы» З. Тулуб и др. От серьезных ошибок в оценке исторических фактов не свободны многие произведения на темы истории гражданской войны, в которых, как и в учебниках истории, «значение гражданской войны в СССР суживается до роли события чисто русского и затушевывается международный характер нашей революции». Разве не имеет непосредственного отношения ко многим произведениям о социалистическом строительстве (особенно к так называемой очерковой литературе) указание Жюри конкурса на недостаток многих учебников, выражающийся в том, что «большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывают больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками...»?

В области литературоведения и литературной критики, на фронте истории литературы необходимо добиваться реализации указаний нашей партии и правительства, данных в связи с созданием марксистских учебников истории. Здесь до сих пор широко гуляют всевозможные вреднейшие антиленинские теории. Проповедь вульгарной социологии и всевозможных схоластических методов, заменяющих марксистское освещение фактов и событий литературы, до последнего времени велась в неприкрытой форме. Достаточно вспомнить вреднейшую «деятельность» целого отряда вульгарных социологов, подвизавшихся в Литературной энциклопедии и в литературном отделе Большой советской энциклопедии. Писания И. Нусинова, А. Цейтлина, М. Храпченко, В. Нечаевой, С. Мокульского, Д. Благого и многих других искажают подлинную историю литературы, рассматривая ее с антиленинских позиций богдановщины. Против ленинской теории отражения они выдвигают богдановский суб'ективизм, подменяя анализ фактов истории литературы и творчества отдельных писателей стандартными социологическими схемами. «Подводя» творчество крупнейших писателей всех времен и народов под стандартные социологические характеристики, вульгарные социологи выхолащивают об'ективное содержание их произведений, фальсифицируют их действительные взгляды. Поэтому Пушкин в их писаниях предстает, как «либеральный обуржуазившийся дворянин», Грибоедов — чуть ли не как защитник дворянского общества, Островский — как писатель, который «обслуживал русское купечество».

В представлении вульгарных социологов вся без исключения культура прошлого создавалась эксплоататорскими классами и в эксплоататорских целях. Реальную классовую борьбу, народные массы, как активную созидающую силу, они полностью игнорируют при анализе литературных явлений. Писания вульгарных социологов — образчик реакционного антимарксистского подхода к культурному наследству и к истории литературы. В результате — всю лучшую часть мировой и русской литературы они «роздали» различным прослойкам дворянства и буржуазии, изображая великих писателей, как верных прислужников этих прослоек.

Создание подлинно марксистской истории литературы — задача огромной важности. Решение ее в высокой степени стимулируется теми указаниями, которые даны партией всему фронту исторической науки. Глубокое освоение этих указаний всеми критиками и литературоведами — важнейшая предпосылка роста и развития нашей критики. Редакции журналов (особенно специально-критических) и секции критиков обязаны сделать все необходимое, чтобы помочь литературно-критическим кадрам и писателям в деле глубокого изучения и практического применения исторических указаний партии.

Открытие второго с'езда ССП Калмыкии

ЭЛИСТА. (Наш корр.). 22 августа в переполненном зале Совнаркома открылся второй с'езд писателей Калмыкской автономной республики.

Делегаты с'езда заслушали доклад правления ССПК о проделанной работе и о задачах калмыкской литературы.

М. ГРОМОВ
Герой Советского Союза

Встречи и впечатления

Новый «трансполярный путь двадцатого века», как уже успели окрестить маршрут СССР —Америка американские газеты, открыт советской авиацией.

После наших двух перелетов из СССР в Америку вряд ли найдется Фома неверующий, который продолжал бы сомневаться в возможности освоения воздушной трассы через полюс.

Москва — Северный полюс — Америка!

Второе полушарие стало нашим ближайшим соседом. Нас не будут раз'единять даже полустанки. Станцию «Северный полюс» самолет-экспресс пролетит без остановок.

Ближайшего соседа надо близко знать.

Что такое Северная Америка?

На этот вопрос уже пытались ответить наши писатели. Достаточно вспомнить Маяковского — «Открытие Америки», книгу Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Об американцах будут писать еще десятки наших литераторов.

Америка — замечательная страна, американцы — интересные люди. Сама страна и люди здесь разнообразны, разнохарактерны, — все это требует большого и глубокого изучения. Мы были лишены возможности даже наблюдать, ибо все время пожимали руки восторженных людей, искренно радовавшихся победе советской авиации.

Нас принял в Вашингтоне президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт. Несмотря на его годы, он произвел на нас впечатление энергичного, живого человека. Президент в своих высказываниях особо подчеркнул, что наши перелеты он вместе со всеми гражданами Америки воспринимает как акт сближения двух великих стран, оказавшихся благодаря искусству советских летчиков близкими соседями.

Юмашев подарил Рузвельту конверт письма, марка которого была проштемпелевана в Москве в день нашего вылета (12 июля) и в Сан-Диего в день нашей посадки (14 июля). Это письмо — первое почтовое отправление из СССР в Америку, доставленное через полюс.

Президент — страстный коллекционер. Он попросил оставить ему и наши автографы.

Рузвельт хорошо информирован о технической вооруженности Советского Союза и не сомневается в том, что мы установим постоянную связь с Америкой по кратчайшей прямой через Северный полюс. В этом, видно, не сомневаются и широкие массы населения. Энтузиазм, который проявили американцы, был данью технической возмужалости нашей родины.

Надо откровенно сказать: еще недавно мы робко поглядывали на американцев, да и они смотрели на нас как-то сверху вниз. Сейчас мы открыто и дружественно посмотрели друг другу в глаза. Изменилось соотношение сил!

Большое впечатление произвел на нас известный писатель Эптон Синклер. Это человек, видно, не знающий усталости в своей огромной работе.

Синклер — трибун. Сейчас, когда от писателей, ученых, общественных деятелей требуется столько совести, чувства ответственности и долга по отношению к человечеству, чтобы во весь голос говорить правду о политических проходимцах в черных и коричневых рубашках, деятельность Эптона Синклера приобретает особое значение.

Эптон Синклер в своих беседах с нами пополнил наши впечатления интересными фактами.

Он рассказывал нам, как запрещались издания его книг в Италии, как жгли его книги в Германии, как изымались его произведения из всех публичных библиотек Австрии и как трудно ему издавать свои книги в Америке. Но мы не почувствовали в его голосе оттенка горечи и усталости. Он улыбается и повторяет:

— Это касается не только меня! Жгут мои книги, а касается это нас всех. Вот когда это поймут все...

Мои впечатления поверхностны, но мне кажется, что нужны большие усилия всего культурного населения Америки, чтобы помочь широким массам понять те истины, которые преподает им Эптон Синклер.

Американцы, которых мне довелось видеть, в большинстве своем люди деловые, серьезные, весьма активные, но все это отдает привкусом чего-то такого, что мы привыкли называть делячеством. В Америке есть крупные рабочие районы, есть десятки тысяч трудящихся, готовых и подготавливающихся к решительной борьбе за свое право жить, радоваться и быть счастливыми. Но, к сожалению, в течение нескольких дней нашего пребывания в Америке мы настолько были во власти строгого расписания всяческих приемов, что почти лишены были возможности встречаться с этими близкими нам по духу людьми. Мы в массе видели так называемого среднего американца. А его больше всего интересует только дело, только доллар, как результат затраченного времени и усилий. Нам, советским людям, особенно странной показалась эта черта.

Многие американцы удивлялись, что я, полковник, видимо хорошо обеспеченный, вместо того, чтобы жить спокойно в свое удовольствие, совершаю длинные, утомительные и притом весьма рискованные путешествия.

Что я мог им ответить? Я делал то же, что и Эптон Синклер. Я старался им об'яснить, что в советских условиях то, что делаю я, касается не только меня, но и всех моих соотечественников, всего многомиллионного советского народа..

Стандарт в Америке поражает. Но зато и конструктивный вкус американцев вне конкуренции, их размах, их масштабы поразительны.

Я видел мосты Парижа и Америки. Парижские мосты красивы, я подолгу любовался их отделкой, искусной ажурностью работы, изяществом их архитектуры. Американские мосты лишены всего этого. На них нет ни ажурных завитков, ни архитектурных деталей. Американские мосты грандиозны своими масштабами, поражают сочетанием пропорций, заставляют любоваться своей легкостью, обманчивой невесомостью при наличии многотонных железных конструкций.

Нашим инженерам и архитекторам есть чему поучиться. И главным образом превращать математику в искусство.

На пароходе «Нормандия» при нашем возвращении из Америки в Европу мы встретились со знаменитым американским кинорежиссером Кинг Видором. Это незаурядный художник, пытающийся, наперекор установившимся правилам в американской кинематографии, включать в свои фильмы идеи общечеловеческого значения. Он весьма дружественно отзывался о Советском Союзе и вел с нами длительную беседу о своих идеях дать американцам правдивый фильм о «социалистической России». Но... Кинг Видор вынужден преодолевать огромные затруднения на своем пути. Ему так же, как и Эптону Синклеру, приходится раз'яснять американцам, что его фильмы, его идеи — не частное его дело, а касается всех.

Из европейских стран мы посетили Англию и Францию. Мы видели много людей, слышали очень много речей. И здесь, как и в Америке, пытаются говорить о демократичности управления, о преимуществах своих конституций. Мы выслушивали эти речи, и нам даже не надо было отвечать на них. Выступавшие отлично понимают, что прославляемые ими «свободы» не могут итти в сравнение с нашей, Сталинской, самой демократической в мире Конституцией.

Полные гордости этим величайшим документом сталинской эпохи, мы прошли по городам двух континентов, везде чувствуя свое преимущество — сынов цветущей социалистической страны.

Мы видели много интересного, узнали много нового и теперь, вернувшись на родину, можем сказать твердо и уверенно:

«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Вот почему, несмотря на новизну впечатлений, на интерес к тем достижениям, которые демонстрировали перед нами Америка, Англия и Франция, мы так стремились домой и так радостно восклицаем:

— Здравствуй, любимая родина!

Товарищам Громову, Юмашеву, Данилину

Приветствие Марии Тересы Леон

От имени испанской интеллигенции посылаю братский привет отважным летчикам, удивившим мир и украсившим новыми лаврами славу СССР.

Народы СССР несут на своих крыльях будущее всего мира.

Я обнимаю победителей Арктики, завоевавших мировой и международный рекорды.

Мадрид, 23 августа 1937 г.

«Сталинская трасса»

Партиздат ЦК ВКП(б) выпустил удешевленным массовым изданием сборник «Сталинская трасса» — о героическом трансполярном перелете Москва — Северная Америка Героя Советского Союза Громова, Юмашева и Данилина.

Сборник состоит в основном из статей, очерков и заметок, печатавшихся в «Правде» и других центральных газетах.

23 августа в Москву возвратились отважные сыны нашей родины товарищи Михаил Громов, Андрей Юмашев и Сергей Данилин, совершившие беспримерный подвиг и завоевавшие мировой рекорд дальности беспосадочного перелета по прямой. На снимке: отважные летчики (слева направо) Герой Советского Союза **М. Громов, А. Юмашев** и **С. Данилин** в Москве на митинге, на площади Белорусско-Балтийского вокзала.

Прием в Кремле экипажа самолета «АНТ-25»— Героя Советского Союза т. Громова и тт. Юмашева и Данилина

Вчера в Большом Кремлевском дворце состоялся прием Героя Советского Союза тов. Громова и т.т. Юмашева и Данилина, блестяще совершивших героический беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — Сан-Джасинто (США) и установивших мировой рекорд дальности полета по прямой. Прием был устроен Центральным Комитетом ВКП(б) и Правительством СССР.

В Георгиевском зале собрались родные и друзья товарищей Громова, Юмашева и Данилина, работники авиационной промышленности и других организаций, работавшие непосредственно по обслуживанию перелета, работники Главсевморпути, стахановцы московских предприятий, многочисленные представители печати и литературы, науки и искусства, члены ЦК ВКП(б) и правительства. Среди присутствующих — руководители военной и гражданской авиации, крупнейшие авиаконструкторы, Герои Советского Союза т.т. Шмидт, Водопьянов, Молоков, Шевелев, Алексеев, Бабушкин, Спирин, Беляков, т.т. В. И. Межлаук, Рухимович, маршал Советского Союза т. Егоров, т.т. Хрущев, Булганин и др.

Бурной овацией, криками «ура» встретили собравшиеся появление в зале товарищей Сталина, Молотова, членов Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства. Долго не смолкали восторженные возгласы: «Да здравствует наш великий родной Сталин!», «Ура товарищу Сталину!»

За столом президиума товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Чубарь, Андреев, Косиор, Жданов, Ежов, Димитров.

Когда за столом президиума появляются т.т. Громов, Юмашев, Данилин, товарищи Сталин, Молотов, руководители партии и правительства тепло и сердечно обнимают каждого из них. Зал восторженно аплодирует.

Во время приема начальник Главсевморпути Герой Советского Союза О. Ю. Шмидт провозгласил первый тост в честь геройской тройки — товарищей Громова, Юмашева и Данилина, славных сынов великого Советского Союза, которые своим невиданным перелетом умножили славу нашей великой родины. Все присутствующие с огромным воодушевлением и теплотой приветствовали героев-победителей.

Восторженной, бурной, длительной овацией встречают все присутствующие тост, который тов. Шмидт провозгласил в честь организатора и вдохновителя всех побед социализма, в том числе и невиданных в истории перелетов через Северный полюс, в честь великого и любимого вождя народов товарища Сталина.

— Высшее счастье для верных сынов Советского народа, — говорит тов. Шмидт, — работая на своем участке, успешно выполнять указания товарища Сталина, вдохновляющего советских людей на героические дела. Это счастье испытал экипаж «АНТ-25». Все встают. Огромный зал оглашается громовой овацией, бурей рукоплесканий, возгласами: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Далее тов. Шмидт провозглашает тост за ближайшего соратника великого Сталина — главу советского правительства товарища В. М. Молотова. «Только нашему государству, нашему правительству, — говорит тов. Шмидт, — под силу организация в столь короткий срок трех таких грандиозных перелетов». Присутствующие стоя устраивают овацию в честь товарища Молотова.

Тов. Шмидт провозглашает затем тост в честь председателя ЦИК СССР тов. М. И. Калинина. Горячими овациями зал приветствует тов. Калинина. И снова вспыхивает гром оваций, когда тов. Шмидт поднимает бокал в честь боевого наркома обороны, первого маршала Советского Союза товарища К. Е. Ворошилова, в честь славного сталинского наркома товарища Л. М. Кагановича, в честь заместителей председателя Совнаркома товарищей В. Я. Чубаря и А. И. Микояна.

Товарищ Ворошилов произносит тост за героических сынов советского народа и за лучших из них, удостоенных почетного звания Героев Советского Союза. Тов. Ворошилов провозглашает также тост за Героя Советского Союза товарища О. Ю. Шмидта. Зал бурно аплодирует.

Тов. О. Ю. Шмидт провозглашает заключительный тост в честь рабочих и инженеров, техников, конструкторов и руководителей авиации и авиационной промышленности, в честь наркома оборонной промышленности тов. Рухимовича, известного конструктора ряда самолетов, в том числе «АНТ-25», проф. Туполева, конструктора моторов т. Микулина и других. Снова гремят аплодисменты.

Для присутствующих на приеме был дан концерт, в котором участвовали лучшие артистические силы страны. С большим успехом выступил железнодорожный ансамбль песни и пляски. Особенный успех у присутствующих имели выступления Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР.

Забота великого Сталина о человеке вдохновляет нас

Ровно два месяца назад, 25 июня, мы вернулись в родную Москву, успешно выполнив сталинское задание по организации дрейфующей полярной станции на Северном полюсе.

Сегодня мы вновь подымаем в воздух свои корабли и отправляемся в Арктику на поиски экипажа самолета «Н-209».

Забота нашего любимого вождя великого Сталина о человеке вдохновляет нас. Имя Сталина начертано на нашем знамени. С ним мы отправляемся в далекие, еще неизведанные районы по ту сторону полюса.

Мы не остановимся перед огромными трудностями, стоящими на нашем пути. Мы приложим все свои силы, все свои знания, весь опыт полярной авиации для того, чтобы вырвать из ледяного плена наших товарищей Леваневского, Кастанаева, Левченко, Побежимова, Годовикова и Галковского.

До скорого свидания, друзья и товарищи!

От имени экипажа самолетов «Н-170», «Н-171», «Н-172»: Герои Советского Союза М. И. ШЕВЕЛЕВ, М. В. ВОДОПЬЯНОВ, В. С. МОЛОКОВ, И. Т. СПИРИН, А. Д. АЛЕКСЕЕВ

Центральный аэродром им. Фрунзе

Майор А. ЮМАШЕВ

Беседа с Э. Синклером

Одна из наших замечательных встреч в Америке — это встреча со знаменитым американским писателем Эптоном Синклером.

Вскоре после нашего приезда в Лос-Анжелос Эптон Синклер приехал нас повидать, но это ему не удалось. Спустя несколько дней мы пригласили к себе писателя. Он рассказал, что в прошлый приезд не мог попасть к нам из-за того, что сотни людей пришли приветствовать нас. Велика скромность Эптона Синклера...

Дружеская беседа с ним длилась около 2½ часов.

Эптон Синклер рассказал нам много интересного. На наш вопрос, в каком положении находятся писатели в Америке, он ответил, что печататься в Америке очень трудно. Тиражи лучших книг здесь очень ограничены. Все книги очень дороги. Для того, чтобы книги доходили до широкого читателя, нужно печатать свои произведения в самых дешевых, мало известных издательствах.

Одна из последних книг Синклера — «No pasaran», — которую он подарил нам, издана им самим в количестве 50.000 экземпляров. Стоит эта книжка всего 25 центов.

Массовый читатель в Америке редко покупает книги, — он чаще всего пользуется ими в библиотеках. Но и в библиотеке он с трудом может достать интересующую его книгу. Это об'ясняется тем, что книги в библиотеках зачитываются до дыр, в буквальном смысле этого слова, а повторных изданий в Америке почти не бывает, да и библиотека не станет покупать вторично те же книги.

Хочется сказать несколько слов о самом Эптоне Синклере.

Это — жизнерадостный, весело улыбающийся человек. Он даже сказал нам в беседе:

— Вы не подумайте, что я беспечно улыбающийся человек!

И действительно, мы убедились в том, что за этой внешностью скрывается человек аналитического ума, передовой писатель, трибун, друг Советского Союза.

О нашей родине Эптон Синклер говорит с огромным интересом, восхищаясь успехами техники и культуры.

— Вот уже сколько лет я собираюсь приехать в Советский Союз, но бесконечная работа не дает возможности совершить это замечательное путешествие. Однако, я думаю, что в ближайшее время я осуществлю мою заветную мечту.

Мы с своей стороны пригласили Эптона Синклера посетить СССР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЖЮРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО КОНКУРСУ НА ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ДЛЯ 3 и 4 КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Жюри конкурса на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР устанавливает, что ряд учебников из числа 46, представленных на конкурс, отошел от прежнего типа учебников по истории, осужденных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 года. Вместо отвлеченных социологических схем в этих учебниках соблюдается при всех их недостатках историко-хронологическая последовательность в изложении исторических событий, дается описание важнейших исторических явлений, дается перечень основных хронологических дат и характеристика исторических деятелей.

Отмечая этот факт, как достижение на фронте исторической науки, Жюри вместе с тем обращает внимание работников исторической науки на наличие в этих учебниках ряда общих недостатков, кои должны быть устранены как в дальнейшей работе по изучению истории СССР, так и в преподавании истории в школе.

1. При описании Великой Социалистической революции в СССР авторами ряда учебников смазывается тот факт, что власть в результате завоевания диктатуры пролетариата перешла к советам, что победила власть советов. Исторические события Великой Социалистической революции изображаются так, что в головы учеников внедряется неправильная мысль о том, будто бы государственная власть в СССР осуществляется непосредственно коммунистической партией. Роль советов, составляющих политическую основу СССР, смазывается. Роль ВКП(б), как передового отряда трудящихся и руководящего ядра организаций трудящихся, извращается. О том, как советы выросли и окрепли в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата, не рассказывается. Советы некоторыми авторами прямо трактуются, как одна из многочисленных организаций, рядом с профсоюзами, комсомольской и пионерской организациями.

2. Совершенно недопустимо, когда авторы, вместо изложения нескольких важнейших пунктов Конституции, которые ученики обязаны знать и к усвоению которых они должны быть подготовлены всем изложением истории СССР, заполняют целые страницы напыщенной болтовней о самой счастливой стране в мире, из которой ученик не получит никакого представления о том, что такое вообще Конституция.

Ряд авторов при изложении Конституции СССР забыли упомянуть о том, что политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, или не упомянули о том, что выборы в Советы, согласно Конституции, будут производиться на основе не только всеобщего, но и равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

3. Сталинский тезис о том, что Россию били «за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную», который дает один из важнейших ключей к истории России последних столетий, не понят рядом авторов учебников. Не показано, в частности, что во время империалистической войны именно в результате промышленной отсталости русские солдаты остались без снарядов, в результате сельскохозяйственной отсталости рабочие в нашей стране остались без хлеба, в результате отсталости общественного строя армией руководили плохие офицеры — помещичьи сынки. Не дав ясной, четкой и доступной детям характеристики отсталости России при власти помещиков и капиталистов или ограничиваясь в этой части общими фразами, авторы затрудняют понимание учащимися великой роли советской власти в деле превращения нашей страны из убогой и бессильной — в страну могучую и обильную.

4. Зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского остается не проиллюстрированной на конкретных исторических фактах. Не показано, что зависимость России от западно- европейского капитала была прямым последствием хозяйственной и политической отсталости страны. Не дав ясной характеристики зависимости России от западно-европейского капитала, авторы затрудняют понимание детьми значения Великой Социалистической революции, «как освободительницы России от ее полуколониального положения» (Сталин, Жданов и Киров).

5. Нередко, характеризуя власть дореволюционную или те «правительства», которые образовывали классовые враги для борьбы с советской властью, авторы говорят о капиталистах, в то время как речь должна итти о помещиках и капиталистах. Известно, что развитие русского государственного строя, в последние десятилетия перед революцией, шло в направлении превращения российской монархии в буржуазную монархию (причем этот процесс так и не закончился до революции), — помещик разделял власть с капиталистом (что отнюдь неравнозначаще полной уступке власти капиталистам). Говоря о «капиталистах» там, где речь должна итти о «капиталистах и помещиках», авторы вместе с тем забывают, например, упомянуть о том, что германские оккупанты на Украине первым делом заставили крестьян вернуть землю помещикам, что так же поступали и другие оккупанты. В результате может получиться искажение исторической перспективы и затушевывание той роли, которую сыграл рабочий класс, как освободитель крестьян от ига помещиков.

6. Авторы учебников не охарактеризовали в точных цифрах соотношения помещичьего и крестьянского землевладения. Тем самым затушевывается роль рабочего класса в деле передачи крестьянам помещичьей земли. Факт, что ни один из учебников не приводит ленинских цифр о дореволюционном землевладении: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 милл. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю». (Ленин, т. XI, стр. 337).

Авторы, как правило, не привели также того факта, что в результате Великой Социалистической революции крестьяне в СССР получили более 150 миллионов гектар бывших помещичьих, казенных и монастырских земель.

Эта забывчивость авторов приводит к тому, что при изложении событий Великой Социалистической революции зачастую не рабочие в союзе с крестьянами противопоставляются капиталистам в союзе с помещиками,—а только рабочие противопоставляются только капиталистам. Тем самым против воли авторов открывается недопустимая лазейка антиисторическим и антимарксистским взглядам на Великую Социалистическую революцию, изображающим рабочий класс не вождем всего трудящегося народа, а классом, совершившим революцию будто-бы только для себя.

7. Большинство авторов учебников не сумело показать истории гражданской войны, как войны, в которой русские помещики и капиталисты с их агентурой (эсерами и меньшевиками) выступали как передовой отряд и наемники иностранного капитализма. Не получает ясного освещения тот важнейший для истории СССР факт, что российские капиталисты и помещики, потерпев поражение еще в конце 1917 года почти на всей территории СССР, решили продать свою страну и ее независимость германским империалистам, затем империалистам Антанты. В результате значение гражданской войны в СССР суживается до роли события чисто русского и затушевывается международный характер нашей революции. Недостаточная ясность в изложении этого вопроса смазывает роль большевистской партии и советской власти, которые подняли весь народ на защиту родины против нападения со стороны иностранных буржуазных держав (германский поход 1918 г., три похода Антанты), спасли нашу страну от иностранной кабалы и порабощения империалистическими государствами, обеспечили государственную независимость, отстояли свою землю («Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский». Ленин, т. XXVII, стр. 362) и создали условия для развития и преуспеяния народов СССР.

8. Раздел, посвященный истории 1917—1920 г.г., страдает, как правило, тем крупным недостатком, что он сводит историю этого периода почти исключительно к гражданской войне и не дает представления о той перестройке общественного строя страны, которая была осуществлена советской властью в этот период. Необходимо рассказать, хотя-бы об основном, т. е. о том, что советская власть за этот период:

а) Уничтожила частную собственность на фабрики и заводы, принадлежавшие ранее капиталистам, и установила социалистическую, всенародную, государственную собственность на фабрики, заводы, банки и т. п.;

б) Передала крестьянам помещичьи, монастырские, казенные земли, об'явив всю землю в СССР национализированной;

в) Дала нациям СССР равные права с русским народом, приступив к образованию национальных самостоятельных или автономных республик;

г) Сломив государственную машину буржуазии и помещиков, стала строить новую государственную машину на основе советов.

9. Большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывает больше восклицательными знаками, кликами восхищенья и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками плюс перечисление 3—4 наиболее популярных первенцев первой пятилетки вместо того, чтобы точно, ясно и просто показать, как в итоге двух пятилеток создана мощная промышленность, крестьяне об'единились в колхозы, сельское хозяйство переведено на базу тракторной техники, а для защиты рабоче-крестьянского государства создана мощная, технически оснащенная Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Большинство авторов также не сумело дать, не отрывая от общего изложения, описания той непрерывной борьбы с врагами рабочих и крестьян, которую пришлось вести советской власти и ВКП(б) для того, чтобы обеспечить победу социализма в нашей стране (кулацкий саботаж хлебозаготовок, вредительство шахтинцев, промпартии, вредительство, заговор, шпионаж, попытки распродажи СССР иностранным империалистам со стороны троцкистских агентов фашизма и т. д.).

10. Жюри отмечает, как крупное достижение авторов учебников, тот факт, что их учебники перестали быть историей одного только великорусского народа, однако же задача—ввести в качестве суб'ектов истории также и другие народы, порабощенные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой Социалистической революцией, не решена ни одним из авторов учебников.

11. Отрыжки схоластических методов, заменяющих марксистское освещение исторических событий, приклеивание ярлыков различным общественно-экономическим формациям и событиям находят, например, свое выражение в неумении понять и оценить историческое значение французской буржуазной революции, которая разделалась с абсолютизмом и феодализмом, как никакая другая буржуазная революция, и роль якобинцев, как наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии. Якобинцы изображаются одними авторами учебников, как представители интересов только самостоятельных мастеров и мелких лавочников, другими авторами якобинская диктатура изображается, как диктатура, которая якобы ничего не могла дать народу, третьими — как власть, направленная против буржуазии.

Не дав ясной характеристики достижений французской буржуазной революции в деле борьбы с феодализмом, авторы вместе с тем не сумели охарактеризовать ограниченности французской буржуазной революции, которая сменила один вид классового господства и эксплоатации другим видом классового господства и эксплоатации — более прогрессивным.

12. Отрыжки взглядов антиисторических, немарксистских встречаются у авторов учебников, представленных на конкурс, почти на каждом шагу при описании СССР до советского периода:

а) Авторы идеализируют дохристианское язычество, они не понимают при этом того простого факта, что введение христианства было прогрессом по сравнению с языческим варварством, что вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры;

б) Авторы игнорируют прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как рассадников письменности и колонизационных баз;

в) Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами, как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом;

г) При освещении крестьянских восстаний до начала XX столетия преувеличивается их организованность и сознательность. Авторы учебников недостаточно, видимо, отдают себе отчет в том, что крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения. Авторы, видимо, недостаточно поняли десятки раз повторявшуюся Лениным мысль о том, что организованный характер крестьянскому революционному движению придали только рабочий класс и большевистская партия, когда они окрепли и выросли в многолетней борьбе против помещиков и капиталистов. Недостаточность марксистского подхода к историческим событиям приводит к тому, что некоторые авторы идеализируют даже такие реакционные движения, каким был, например, стрелецкий мятеж, направленный против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию;

д) Большинство авторов, как правило, не дают правильной исторической оценки битвы на Чудском озере новгородцев с немецкими рыцарями, когда было приостановлено движение на Восток германских оккупантов (разбойничий тевтонский орден — «псы-рыцари», — как называл их Карл Маркс), осуществлявших колонизацию путем поголовного истребления и грабежа покоряемых народов. Отсутствие марксистской оценки именно этого события в истории СССР тем более недопустимо, что в отношении его имеется определенная оценка Маркса: «1242 г. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».

Жюри Правительственной Комиссии **постановляет:**

1. Первой премии не присуждать никому из авторов учебников, представленных на конкурс.

2. Вторую премию в размере 75 тысяч рублей присудить авторам учебника, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного Педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова.

3. «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова считать одобренным Правительственной Комиссией и рекомендовать в качестве учебника для третьего и четвертого классов.

4. Выдать нижеследующим авторам учебников, представленных на конкурс—Минцу, Нечкиной, Генкиной, Панкратовой, Гудошникову и Глязеру по 5 тысяч рублей каждому в качестве поощрительной премии.

ЖЮРИ КОНКУРСА.

Делегаты Второго международного конгресса писателей **А. Толстой** и **А. Фадеев** на Белорусско-Балтийском вокзале 23 августа в день возвращения в Москву

Оплот мировой культуры

Беседа с А. Толстым

Экспресс Негорелое—Москва подошел к платформе Белорусско-Балтийского вокзала. Засуетились носильщики. Встречающие заспешили к окнам вагонов.

Группа журналистов окружила только что сошедших на перрон А. Толстого и А. Фадеева, возвратившихся в родную столицу после двухмесячного пребывания за границей.

—Расскажите об Испании!

—Расскажите о международном писательском конгрессе, о ваших встречах с литераторами!

— Расскажите о Парижской выставке!

Писатели озадачены.

— О конгрессе, о встречах с иностранными писателями, о зарубежных впечатлениях—обо всем этом в двух словах не расскажешь,—отвечает Алексей Толстой.

—Парижская выставка? Самое большое впечатление на выставке производит советский павильон. Скульптурная группа, венчающая его, блистает художественной выразительностью среди окружающих зданий. Советский павильон несравненно содержательнее и богаче всех других.

Бесцветен, казенно сух, скучен наш «визави». Это и понятно: немцам некогда думать о международной выставке—их интересует война.

Бедны и маловыразительны многие павильоны, за исключением чехословацкого, который показался мне одним из наиболее ярких. Беда выставки — ужасная теснота. Экспонаты ютятся на небольших столах и щитах.

Наши огромные богатства—минералы, меха, мрамор, фарфор, металлы и прочее могли бы быть показаны куда шире, куда эффектнее, если бы позволило место. Мне думается, что следовало бы изменить, может быть, самый метод экспонирования, варьировать содержание для того, чтобы шире показать свои достижения...

★

Вечером, у себя в номере, Алексей Толстой рассказывал:

... Мир окутывают грозовые тучи. На двух концах мира—в Испании и Китае — фашизм уже ведет бешеный штурм. Но все грознее растет сопротивление ему в толщах народных масс Испании и Китая. Все отчетливее выступает огромное значение Советского Союза. Я твердо и уверенно могу сказать, что только существование такого могучего экономического и морального фактора, как Советский Союз, сдерживает от кровавого безумия бешеные фашистские силы, готовые захлестнуть войной растерянный от страха буржуазный мир. На Советский Союз обращены взоры друзей народного фронта европейских стран. Осуществляемые в Советском Союзе высокие идеи коммунизма заставляют интеллигенцию Европы среди шатаний и безнадежных попыток находить наконец единый путь — путь, которым ведут шестую часть света Сталин и ленинско-сталинская партия.

Идя по этому пути, мы не можем и не должны кичиться достигнутыми успехами.

Наша задача — стать сильнее всех в мире. И мы можем это сделать, для этого у нас достаточно средств, сил и талантов. Пример тому—герои, которых мы так горячо встречаем. Они совершили то, что сейчас недоступно людям никакой другой страны. Они совершили это потому, что тысячи и тысячи людей нашей страны вложили свои силы, таланты и волю в создание условий для великого перелета Москва—США.

Мы живем во времена, требующие от нас напряжения всех моральных и физических сил. Это хорошо. Пусть выковывается железное племя Советского Союза, выковывается новый человек.

Вы слушали в эти дни по радио голоса Громова, Данилина, Юмашева. Несколько дней назад я слушал их в Париже. И тогда я понял—да, таковы новые люди, сыны нашей страны.

Месяц в Париже

Беседа с А. Фадеевым

А. Фадеев только что возвратился из двухмесячной заграничной поездки, наполнившей его самыми разнообразными впечатлениями.

Германия, Польша, Испания, Франция, Международный конгресс писателей, международная выставка в Париже, мировые хранилища искусств, встречи с передовыми писателями мира, с'ехавшимися на конгресс, встречи с Ромэн Ролланом, с славными земляками — героем СССР Громовым, тт. Юмашевым и Данилиным, с первоклассными нашими спортсменами, с мхатовцами, знакомство с Парижем — от центра нарядного города до рабочих кварталов и предместий, посещение вернисажей и т. п. — таково богатейшее содержание его поездки.

Тема об Испании не укладывается в рамки интервью. Об Испании т. Фадеев будет писать особо.

— Я лучше расскажу о месяце, проведенном во Франции, где я был впервые. Мы с Алексеем Толстым об'ездили Бретань, я был в Руане, в Гавре.

Мы много ходили по парижским музеям.

Огромное впечатление произвел на меня музей Родена. Много часов я бродил по комнатам большого старинного дома на тихой улице Варен. Это—хранилище работ изумительного мастера, равного которому не было, по-моему, с эпохи Возрождения. Меня потрясли мощь и спокойная уверенность его резца. В необычайной стремительной силе, в каком-то возвышенном темпераменте, в особенной целомудренной чистоте форм человеческого тела сказалась гениальность этого бессмертного художника.

Его статуи Бальзака в бронзе и в мраморе, статуя Гюго со скульптурными иллюстрациями к его произведениям необычайно интересны. Гюго изображен у него в эллинском стиле: голова мощного старика с бородой напоминает голову Зевса.

Поражает трудоспособность этого человека: комнаты музея буквально загромождены бесчисленным количеством работ-шедевров, среди которых нет ни одной, которая казалась бы мало удачной или слабее других.

Вот бы нашим мастерам поучиться такому трудолюбию и неутомимому стремлению к совершенствованию.

Скульптурами Родена, в частности знаменитой группой «Граждане города Калэ», полной глубокого социального содержания, украшен и парк, окружающий старый дом Родена.

★

Советскую делегацию на мировой конгресс писателей принял в Париже Ромэн Роллан.

Рассказ А. Фадеева об этой встрече проникнут большой искренностью и теплотой.

— Худощавый, огромного роста, слегка сутуловатый, с ясными, умными, добрыми глазами, глядящими из-под нависших бровей, Ромэн Роллан встретил нас на пороге своего дома.

Он произвел неотразимое впечатление. Светлое обаяние, моральная сила исходят от этого человека.

Друг СССР, Ромэн Роллан рад был видеть у себя посланцев Советской страны. Он выразил сожаление, что состояние здоровья не дает ему возможности принять участие в работах конгресса в защиту культуры против фашизма, столь ненавистного великому гуманисту. Он очень хотел бы, если бы позволили силы, поехать в Испанию.

Он говорил с нами о русской литературе, которую он так любит, о советской драматургии, которая, по его мнению, отстает еще от общего развития советской литературы, но которая, несомненно, в ближайшие годы получит у нас большое развитие. Самые талантливые люди, говорил он нам, выражали свои мысли и чувства в драматургической форме. Гений XVII века Шекспир, обуреваемый сильными чувствами, был драматургом. Эта форма литературы предельно выразительна. Естественно поэтому, что советский народ, живущий сильными страстями и интенсивными чувствами, должен родить талантливейших драматургов, которые сумеют выразить мысли, чувства и чаяния своего народа.

★

С чувством большой патриотической гордости рассказывает Фадеев о пребывании в Париже наших спортсменов.

Уверенные в своей силе, испытанной предварительными состязаниями в Бельгии, «спартаковцы» одерживали победы с легкостью и изяществом подлинных мастеров.

Матч русской команды с английской превратился в демонстрацию симпатии к Советскому Союзу. Французские рабочие, переполнявшие стадион, встречали каждый забитый «спартаковцами» гол восторженными криками и рукоплесканиями. Победа русских сопровождалась овациями и пением «Интернационала».

«Спартаковцы» показали подлинно высокий класс советского спортивного искусства.

★

На-днях возвращается из Парижа увенчанный новыми успехами коллектив Московского Художественного театра.

О гастролях театра, прошедших с колоссальным успехом, А. Фадеев рассказывает интересные подробности.

Готовясь к спектаклям, весь коллектив театра работал, не жалея сил.

Владимир Иванович Немирович-Данченко в продолжение 5 или 6 суток почти не выходил из театра.

Спектакль «Враги», который мхатовцы показывали первым, шел при напряженной тишине в зрительном зале. В первые моменты артистам очень трудно было ощутить, как воспринимается спектакль. И только прорвавшаяся, наконец, овация взволнованных зрителей показала исполнителям, что тишина эта была вызвана не равнодушием, а глубочайшим вниманием.

«Любовь Яровая» проходила почти под сплошные аплодисменты. Когда появилось красное знамя, в зрительном зале раздались возгласы: «Ура!». Спектакль закончился овацией.

Французские писатели и театралы, с которыми А. Фадееву довелось беседовать, выражали свое восхищение спектаклями МХАТ.

★

А. Фадеев смотрел в Париже новый французский фильм «Большие иллюзии». Режиссер и автор сценария — Ренуар, один из крупнейших французских кинорежиссеров. Сын знаменитого художника Ренуара, он унаследовал от своего отца замечательное искусство композиции и перенес в кино необычайную пластичность. Кадры его фильма живописны, как картины художника.

Сейчас Ренуар работает над новым фильмом «Марсельеза».

★

— Вспоминая о заграничной поездке, — говорит в заключение А. Фадеев, — не могу не назвать одного из лучших граждан моей страны, моего собрата по перу — Михаила Кольцова. Все мы, проведшие с ним эти недавние дни, горячо его полюбили. Его работоспособность, чуткость, храбрость, самообладание, необычайные организаторские способности, исключительное умение ориентироваться в любой обстановке делают его в наших глазах человеком выдающимся.

Только там, в тех условиях, мы поняли, какой замечательный работник и товарищ Михаил Кольцов.

Я хочу воспользоваться страницами «Литературной газеты», чтобы послать ему горячий, братский привет.

Франко сжигает Диккенса

Как сообщает «Дейли Уоркер», в день чествования памяти Игнация Лойолы, основателя иезуитского ордена, Франко, идя во всем по стопам Гитлера, устроил в Бильбао торжественное сожжение книг. Среди них были произведения Диккенса, Золя, Ибаньеса, Ан. Франса, А. Мальро, Г. Манна, Ренана. Кроме того было сожжено много заграничных антифашистских газет. Костер был разложен у подножия статуи Игнация Лойолы. Во время церемонии сожжения книг мимо памятника дефилировали итальянские, германские и испанские фашистские войска.

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

«Интернационал» в художественном издании

Издательство «Academia» готовит к двадцатилетию Великой пролетарской революции альбом «Интернационал».

В альбоме печатаются русский и французский тексты пролетарского гимна.

Вступительная статья ознакомит читателя с историей возникновения «Интернационала», с эпохой, когда участник Парижской Коммуны поэт Э. Потье создал стихи, ставшие впоследствии победным гимном всех трудящихся.

Издание будет иллюстрировано большим количеством гравюр и рисунков.

История социалистической родины в плакатах

Изогиз выпускает массовым тиражом плакатную выставку, состоящую из 18 плакатов (16 иллюстративных и 2 текстовых), показывающих исторический путь нашей социалистической родины за двадцать лет.

В фотоснимках, рисунках, репродукциях с картин и т. п. плакатная выставка покажет ту огромную организационную и созидательную работу, которая проводилась на протяжении двадцати лет коммунистической партией и трудящимися Страны Советов во имя закрепления октябрьских завоеваний Великой пролетарской революции и создания мощного социалистического государства — СССР.

Антология армянской поэзии

Антология армянской поэзии, выходящая в издательстве «Academia», охватит наиболее важные явления армянской поэзии за полторы тысячи лет, начиная с IV века и кончая нашими днями. В книге будут даны лучшие образцы творчества крупнейших армянских поэтов: Нагапет Кучака, Дживани, Петроса Дуряна, Аветика Исаакяна, Ованеса Туманяна и др. Поэт-революционер, близкий друг Герцена и Огарева, Микаэл Налбандян будет представлен популярнейшим стихотворением «Свобода».

В разделе «Поэзия советской Армении» — стихи и поэмы Акопа Акопяна, орденоносца Наири Зарьяна, Азата Вштуни и др.

Большое место отведено в антологии фольклору. Здесь в первую очередь нужно отметить замечательные по поэтической силе и глубине содержания «Сказ о Ленине» и «Песню о Сталине», записанные со слов ашуга Верди.

Из дореволюционного фольклора в антологию вошли героическая поэма «Давид Сасунский» и песни ашуга Саят-Нова (XVIII век).

Юбилейный номер журнала «Знамя»

В редакцию журнала «Знамя» начали поступать материалы для номера, посвященного двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Юбилейный номер «Знамени» обещает быть разнообразным по содержанию.

Художественная литература будет представлена пятью крупными вещами: кинопоэмой Вс. Вишневского «Мы — русский народ», романом об Испании И. Эренбурга «Что человеку надо», повестью К. Паустовского — о будущем обществе и новыми поэмами Н. Тихонова и В. Луговского.

Из поэтических произведений будут также напечатаны октябрьские стихи П. Антокольского и С. Кирсанова, а из прозаических — рассказ В. Курочкина «Октябрьский день» и рассказ В. Авдеева «Интернационал».

Иностранный отдел журнала посвящается теме «Иностранные писатели о СССР». Здесь будут напечатаны отрывки из новых не переведенных еще книг Шарля Вильдрак и других зарубежных писателей.

В публицистическом отделе появятся статьи: «Партия — организатор побед социализма», «СССР — страна социалистического демократизма», «Эстетическая культура социалистического общества» и др.

Вопросам литературы посвящены статьи: о советской прозе и советской новелле за 20 лет, о поэзии эпохи гражданской войны, о драматургических произведениях к двадцатилетию Октября.

Что готовят курские писатели

Областная писательская организация Курска выпускает к двадцатилетию Великой пролетарской революции большой сборник «Курск».

Готовятся также к печати: юбилейный альманах «Утро» и два сборника: «Знатные земляки» и «Люди колхозной самодеятельности».

Вилли БРЕДЕЛЬ

Письмо из Испании

Маленький, тихий испанский городок, расположенный в стороне от больших дорог, живет сейчас напряженной и удивительной жизнью. По узким его улицам мчатся курьеры, проносятся серые военные автомобили, тяжело грохочут грузовики, везущие военные припасы. В тени деревьев ищут защиты от палящего солнца раненые и отпускники.

Здесь, среди частей испанской народной армии я увидел бойцов интернациональной бригады. Вот идут англичане и рядом — пылкие, живые французы. На площади перед казармой я услышал речь немцев, эмигрантов из Гамбурга, а на скамейке под пальмами поляки пели сентиментальную песню о Карпатах. Даже негров и японцев видел городок на своих улицах.

И все они — англичане, французы, поляки, немцы, негры — носят одинаковую форму и великолепно понимают друг друга, хотя подчас об'ясняются только знаками. Братское содружество этих людей — прекрасный, изумительный символ солидарности всех бойцов против мирового фашизма.

Вечером в казарме городка я присутствовал на митинге.

Двор был ярко освещен прожекторами. От края до края плечом к плечу стояли бойцы-интернационалисты, люди, которые жертвуют своей жизнью в борьбе за победу испанского народа. Даже раненые хотели присутствовать на митинге, и их принесли сюда на матрацах. А когда запели «Интернационал», то поднялись, опираясь на палки, все бойцы, получившие ранения в недавних сражениях.

Эрих Вайнерт читал затем свои стихи. Одно его стихотворение, посвященное Парижской Коммуне, захватило французских товарищей. Послышались возгласы: «Вив ля коммюн!»

И позже, когда Вайнерт прочел стихи, посвященные Тельману, загремели горячие возгласы на всех языках:

— Виват, вив, рот-фронт Тельману!

И мне выпала честь говорить на этом митинге о солидарности, нашедшей здесь столь замечательное и героическое олицетворение. Я рассказал о том, что испанскому народу в его борьбе с фашизмом помогают передовые борцы во всех странах, я рассказал о братьях, борющихся в подполье в Италии и Германии, я говорил о счастливых свободных народах Советского Союза.

Спустилась ночь. Пришлось потушить прожекторы, ибо мы были слишком удобными мишенями для фашистских летчиков. Но мы еще долго беседовали с бойцами-интернационалистами обо всех сражениях, о героях, о погибших, о зверствах фашистов.

— Нам не сладко приходится иногда, — сказали мне. — Подумай, ведь фашисты неизменно расстреливают раненых и пленных. Марокканцы нарезали трупы наших товарищей на куски. Но мы знаем, что фашистов надо уничтожить, и мы уничтожим их.

Мы разошлись далеко за полночь. И в благоухающей темноте маленького южного городка я услышал, как кто-то крикнул на прощанье:

— Пусть многим из нас суждено умереть, — все равно Испания будет могилой фашизма!..

Август. 1937 г.

Советская книга за рубежом

На открывшейся на-днях в Измире (Турция) международной ярмарке-выставке Всесоюзная торговая палата, совместно с Акционерным о-вом «Международная книга», организовали выставку советской книги и книжный киоск.

На выставке представлены лучшие издания советской художественной литературы — Гослитиздата, «Academia», Детиздата и др. Такая же книжная выставка была организована недавно в Таллине (Ревель).

«Эти двое казнены были по способу «качелей» — игры, популярной у японских жандармов».

Роман **П. Павленко «На Востоке»** с офортами **А. Морозова-Лас** выпускает издательство «Советский писатель».

А. ЭРЛИХ

РОДИНА

1

Поезда замедляли ход. Вагоны, вдруг темнея, входили под закопченный стеклянный навес. Удалялась высокая, слепая, без единого окошка, задняя стена одного из домов на Лиговском проспекте; ее просторами воспользовались как щитом для рекламы: «Селект-Отель» — черные гигантские буквы, мокрые от дождей и туманов.

Спустя несколько минут пассажиры выходили на площадь. Столица — величественная и мутная столица империи — принимала гостей.

Чугунный царь в жандармской шапке, тяжко восседавший на замерзшем коне, сердито оглядывал их. Лоснился гранит. Блестели цепи. Парила, стлалась над самодержцем туманная, слезная наледь.

Петербург был хмурым. Суровым и тревожным был он в годы войны Петроград.

Люди, приезжавшие сюда со всех концов страны, сразу же тосковали о высоком небе Украины, о вишневых ее садах и стройных тополях, о жарком солнце Закавказья, о вольных степях Дона или Ставрополя, о поэтических просторах средней России с ее речками и лесами, полными грибов и земляники, с ее холмами и оврагами.

Ни Петербург, ни Петроград никогда не были для нас любимой столицей, любимой родиной. Самое понятие «родина» складывалось из ощущений географического свойства по преимуществу. Южанин, например, испытывал возбуждение и радость, когда за окнами вагона начинали мелькать желтые поля подсолнуха и зеленая чаща кукурузы; ветер возвращал ему родину, принося с собой запахи тополя, акации или каштана. Житель Средней Азии различал в шуме колес ликующее слово «ро-ди-на!» только с того мига, когда появлялись песчаные края, пестрые тюбетейки и халаты, либо меланхоличный верблюд.

Столица империи оставалась одинаковой чужбиной для каждого приезжего. Она не могла служить для пролетария источником иных чувств, кроме чувства страха, настороженности и ненависти, ибо императорский Петербург и Петроград были средоточием темных сил, угнетавших страну.

Родина, ощущаемая всем сердцем, была местным, узким, ограниченным понятием. Родиной были город или село, где мы родились, улица, где мы резвились в детстве, лес, куда мы отправлялись собирать грибы или разорять птичьи гнезда, скрытая роща, где-нибудь на окраине, где мы юношами впервые познавали счастье и томление оттого, что рука наша робко касалась руки милой.

Москва и Ленинград. Столица Союза Советских Социалистических Республик и великий город Ленина наполнили действительно новым содержанием старое слово. Эти два города рождают теперь у всех трудящихся радость, гордость, восхищение, и ни один рабочий, ни один колхозник, ни один служащий, какой бы национальности они ни были, никогда не почувствуют себя здесь как на чужбине.

Дети трудового Союза республик, уже независимо от места своего рождения, ощущают и считают родиной неохватные просторы ее — от западных границ до Великого океана, от вечных полярных льдов до вечно цветущих субтропиков.

Глубокой любовью к родной стране полны рабочие, колхозники, служащие: родина наша — СССР — основа общего счастья всех населяющих ее братских народов. Она — источник нашей силы и нашего мужества. Она воспитывает в нас стойких борцов за новую жизнь на земле и она растит среди нас великих героев, чья слава гремит по миру.

2

Во всех наших книгах тема родины неустранима, как воздух. Автор может специально и не заниматься этой темой, — она проникнет на страницы сама собой. Родина водит пером автора. Она согревает его кровь и наполняет любовью к друзьям и соратникам и ненавистью к изменникам, к врагам.

Все равно — где происходит действие наших романов, повестей и рассказов. На колхозных ли полях, в заводских цехах, в столице, в крупных индустриальных центрах, или в отдаленных, так называемых «глубинных» пунктах, — родина равно дышит со страниц советских книг.

Короткое слово стало всеоб'емлющим.

Уже не дом только, не ближняя улица, не соседний лесок или роща ассоциируются с ним, а вся великая страна, страстная любовь к ней, как к самому драгоценному, самому неоцененному, ибо она — советская родина — залог нашего счастья, нашего богатства, нашей мощи, нашей нерушимой уверенности в будущем, нашего права на труд, на отдых, на образование, нашей славы и нашей гордости.

Нет больше на социалистической земле таких мест, которые бы пугали советского гражданина своей отдаленностью, суровостью, провинциальностью, отсталостью, дремучей глушью. Тысячи девушек едут на Дальний Восток по первому зову Валентины Хетагуровой, чтобы поднимать и приобщать к счастливой жизни новые края.

Писатели часто путешествуют, но мало пишут о многообразии нашей страны. Читатель хочет почувствовать свою родину во всей ее необ'ятности. Полтавский комсомолец ищет книг о новом городе Комсомольске на Амуре, юная колхозница в Кировском крае жадно перечитывает все, что ей удается найти о Бодайбо, об Алтае, о жизни в суровой тайге, о героических подвигах безвестных ее братьев на Камчатке. Плотовщики на севере, тяжело шагая в болотных сапогах, спрашивают в библиотеках книги о золотистых цитрусовых садах юга, молодое поколение в субтропиках зачитывается рассказами о тундре, об оленях, о строительстве обширного порта в устье Печоры, о беспримерных походах большевиков в просторы Ледовитого океана, о славных полетах к Северному полюсу и через полюс — в Америку.

3

С парохода виден город на высоком берегу — веселый, зеленый, цветущий город. Он находится далеко от верных путей, и надежное сообщение сюда открывается только с весны, только в полую воду.

Городок называется — Тотьма.

Над рекой Сухоной, на высокой горке, есть скамьи и столики для ожидающих парохода. Карандаш и нож крепко в'едается в теплое оструганное дерево. Пассажиры транзитной породы в долгие часы вынужденного сидения на берегу творят изречения по дереву, адресуя их маленькому городку с многочисленными старинными церквушками, со столетними трухлявыми деревянными домишками, с рассохшимися досчатыми тротуарами.

Тотьма. Стоит только сойти с парохода, и окажется, что городок этот не столько цветет, сколько зацветает. Лето возвещает здесь свое наступление вольным изумрудным покровом на площадях и переулках. Две гигантские кучи щебня и мусора, рудименты бывших соборов, расположены в самом центре города, против Дома колхозника и кинотеатра. Некогда Архангельск купил у Тотьмы два закрытых собора на кирпич и камень, но щебня с фундаментом не убрал, и теперь гигантские мусорные кучи тоже брызнули уже зеленью чертополоха и травы. Срыть и убрать их стоит десять тысяч, а такой именно суммой определяется весь годовой бюджет Тотьмы на все виды благоустройства.

Тишина под солнцем. Безлюдье.

Но вот минует день, и лишь только спадет жара, лишь только на старой колокольне пробьют вечерние часы, городок оживает. Тысячами высыпает вдруг на улицы, за ограды и палисадники молодежь. Только молодежь. Здесь редко можно увидеть человека пожилых или средних лет. И до позднего часа играют гармоники, скрипят досчатые тротуары и специально возведенные кое-где досчатые помосты под дружными ногами танцующих пар, звучат песни...

При более близком знакомстве раскрывается тайна маленького городка. В нем шесть тысяч жителей и из них более двух третей — учащиеся. Школы, учебные заведения, детские дома, всевозможные курсы расположены здесь буквально на каждом шагу. Тотьма готовит кадры не только для сел и деревень своего района, но и многих прилегающих районов: Лейденгского, Реслятинского, Нюксинского, Тарногского, Беляковского. Чуть ли не со всего Севера приезжает сюда молодежь учиться.

В Тотьме есть лесной техникум, два педагогических училища, лесхозпромуч, районная колхозная школа, готовящая бригадиров-полеводов, бригадиров-животноводов, зоотехников и счетоводов, курсы по переподготовке мастеров-лесозаготовителей, курсы по переподготовке педагогов начальных школ, полная средняя школа, три начальных школы, шесть детских домов и еще немало временных краткосрочных курсов...

За оградой бывшего мужского монастыря, некогда известного под именем Спасо-Суморинского, за многоэтажным фасадом бывшей семинарии, за березовыми и яблоневыми палисадами позднейшей формации, учатся подростки, юноши, девушки и дети из всех прилегающих районов.

И становится ясно, почему такое безлюдье днем на тотемских улицах в июньскую пору: днем все заняты, днем идут занятия, экзамены, консультации и подготовка к экзаменам. Школьный городок усердно трудится.

И гость с радостью ощущает, что и Тотьма — живая клетка огромного и кипучего организма, именуемого СССР, чудесной родиной нового человечества. За еще видимой ее отсталостью, за зацветающими ее площадями и уличками, за дряхлой сонливостью ее церквушек, ее трухлявых домиков с рассохшимися ставнями уже бьется крепкий и бодрый пульс возрождения.

Нет, даже и в Тотьму, в крошечный городок далеко в стороне от железных дорог, расположенный на реке именно в таком месте, где пороги и мелководье делают ненадежной и связь по воде, — даже и в Тотьму приходит новая жизнь.

Наша родина не знает обездоленных, забытых, нелюбимых, и дети ее — 170 миллионов сыновей и дочерей — платят ей той же высокой, беззаветной любовью.

Сильнее смерти

О большевистском мужестве и самообладании, преданности делу рабочего класса рассказывает книга «Сильнее смерти» Б. И. Уманского, выпускаемая на-днях издательством «Молодая гвардия».

В ней собраны письма и предсмертные слова борцов международного пролетариата, замученных в тюрьмах капиталистических стран.

Мужественно встречают смерть коммунисты и молодые комсомольцы Германии.

Верой в конечную победу революции проникнуты предсмертные письма к родным казненных в Гамбурге комсомольцев Карла Вольф и Бруно Теш. Свое последнее письмо к любимой девушке Бруно заканчивает словами: «Мы умираем так, как боролись!»

Хорошо известны немецкому народу имена Эдгара Андре и комсомольца Рихарда Гюттинга, похороны которого превратились в бурную антифашистскую демонстрацию.

Двумя неизвестными товарищами в последние минуты их жизни была пущена по камерам листовка: «Они убили нас, — говорилось в ней, — но коммунизм живет. Ему принадлежит будущее. Ему принадлежит новая Германия...»

Тысячи революционных рабочих томятся в переполненных тюрьмах фашистской Италии. Героический итальянский пролетариат превращает залы фашистского суда в трибуну революционной пропаганды. Комсомолец Миккеле де ла Маджиора, осужденный фашистами, поднялся на эшафот со словами: «Долой фашизм, да здравствуют советы!»

Отдел «Испания» начинается рассказом о героической смерти комсомолки Аиды Лафуэнте. Дальше идут несколько маленьких рассказов об испанских девушках. Радистка из Барселоны, имя которой неизвестно, «оставалась на своем посту, несмотря на то, что контрреволюционные войска уже заняли станцию». Смертельно раненная, она кричала в микрофон: «Крестьяне, каталонцы, идите отовсюду защищать нашу родину. Об этом вас просит девушка, умирающая за Каталонию!»... Под Сен-Себастианом был убит начальник взвода. Восемнадцатилетняя Ада Совела, увидев, что в отряде началось замешательство, заняла место убитого начальника. Она крикнула товарищам: «Мы не имеем права отступать!» И отряд кинулся за ней в бой.

Много таких же замечательных фактов проявления мужества приводится в остальных разделах книги: «Австрия», «Китай», «Болгария», «Литва», «Эстония», «Югославия», «Венгрия», «Финляндия». В разделе «Америка» рассказано дело казненных революционеров Сакко и Ванцетти.

Единственный недостаток этой интересной и нужной книги — плохая бумага и неясные фотографии.

«Сильнее смерти» должны прочесть все, кому дороги интересы международного пролетариата и его борьба за великое дело революции.

А. ГОБЕР

Песни о героической борьбе испанского народа

В начале августа министерство народного просвещения Испании об'явило конкурс на создание гимнов, маршей и песен, посвященных народным героям и бойцам испанской республиканской армии.

Песни эти могут быть героического, боевого и сатирического характера и должны отражать борьбу испанского народа против фашизма и иностранной интервенции. Они должны быть написаны для голоса или хора в сопровождении фортепиано, духового оркестра или à capella (без сопровождения).

Советские композиторы получили предложение принять участие в этом конкурсе. Союз советских композиторов уже получил около 20 песен. Среди них: две песни о революционной Испании на слова Рафаэля Альберти, написанные композитором Марианом Ковалем; «Песня о генерале Лукаче» (слова Ф. Канатова) и Марш Республиканской Испании (текст Л. Некрасовой) композитора В. Н. Кочетова; «Песня о героях» (на слова В. Гармицкого) М. Красева, «Баллада о знамени» и марш, написанный М. Бак на слова Л. Некрасовой, и др.

Срок представления песен на конкурс — 30 августа. Но нам сообщили в союзе советских композиторов, что срок этот будет вероятно продлен.

Широкому участию в конкурсе советских композиторов препятствует недостаток стихотворных текстов.

Секции поэтов союза советских писателей необходимо принять активное участие в конкурсе, имеющем большое международное политическое значение.

«Японцы забеспокоились, что-то покричали между собой и долго стреляли в реку, показывая на плывущие коряги и мусор».

Роман **П. Павленко «На Востоке»** с офортами **А. Морозова-Лас** выпускает издательство «Советский писатель».

Документы счастливого детства

Всем памятно, какой живой интерес в стране вызвало появление книги «База курносых», написанной группой сибирских пионеров, с какой сердечной теплотой приветствовал авторов книги А. М. Горький.

Знаменательна сама по себе потребность детей нашей страны рассказать о себе, о счастливом мире их детства, и их уверенность в том, что страницы их жизни не могут не интересовать всю страну.

Авторский коллектив «Базы курносых» не составляет исключения. Подобные же книги руками детей — героев этих книг — пишутся в целом ряде мест. Особенно сильно это стремление среди детей в тех местах, где сегодняшняя социалистическая действительность представляет особенно резкий контраст их мрачному прошлому. Так, например, пионеры советского форпоста в Арктике пишут книгу о себе под названием «Мы из Игарки».

Примеру детей Игарки решили последовать дети ненцев — народа, обреченного при царизме на вырождение и буквально спасенного Великой социалистической революцией от варварской эксплоатации и окончательной гибели. Во всем огромном Ненецком округе до революции было три церковно-приходских школы, в которых обучалось три десятка ребят — детей кулацкой верхушки. Сейчас в округе большая школьная сеть, в которой обучается около **3** тысяч детей.

Инициатива создания книги о детях Заполярья принадлежит литкружковцам ненецкого педагогического училища.

В местной газете ведется детьми обсуждение тем для книги.

В настоящее время уже собрано для книги «Детвора Заполярья» **75** рассказов, написанных **45** школьниками, **10** стихотворений, **18** фотографий, снятых пионерами.

Ю. ОЛЕША

Письмо писателю Паустовскому

Товарищ Паустовский!

Разрешите мне в этом письме высказать свое мнение о трех ваших рассказах, которые я только что прочел.

Мне приятно, что у нас общая любовь к Грину.

Я сделал однажды открытие, что в каждой своей вещи я пересказываю своими словами поразившие меня книги. Разумеется, выражение «пересказываю своими словами» не точно передает смысл того, что происходит в этом случае. Это, разумеется, не пересказ. Ничего общего может и не быть между моим рассказом и книгами, которые поразили меня, однако в глубине моей вещи я всегда могу отыскать зеркало, в котором увижу неясные, туманные отражения опять-таки одной из этих волшебных книг.

Помните, у Грина есть рассказ «Канат». Там, в начале, дается удивительное описание освещенной солнцем лужайки, видимой из шатра. Как вам известно, в рассказе действует канатоходец. У меня есть детский роман «Три толстяка». И вот я твердо знаю, что весь колорит моего романа рожден этой гриновской лужайкой.

Знакомо ли вам это ощущение?

Причем я заметил, что это «сведение счетов» с засевшим в сознании впечатлением от чужого образа делает особо приятной работу над вещью.

Я несколько раз встречал в ваших произведениях упоминание имени Грина. Оно есть и в рассказе «Потерянный день», где вы описываете могилу Грина в Старом Крыму.

Грин — автор фантастических рассказов. Это — редкое явление. Причем фантастические рассказы Грина необычайно стройны, прозрачны. В них нет путаницы, «навороченности», которыми обычно сопровождается выдумка в том случае, если она не первосортна. Сюжеты Грина приятно рассказывать. Их можно рассказать в нескольких словах, и не было случая, чтобы после того, как слушателям был рассказан какой-либо из сюжетов Грина, слушатели не задумались. Эти сюжеты поэтичны.

Но Грин не изображает живых людей. Во всех его рассказах действует один и тот же герой. Это человек, который может сделать все, несмотря на преграды, которые ему ставят злые люди. Всегда у Грина хороший, — с его, Грина, точки зрения, — человек борется с группой злых. Или наоборот, группа хороших борется со злым. Кто же хороший, по мнению Грина? Тот, кто любит цветы, животных. А злой — это черствый, сухой человек, нечувствительный к природе.

Ничего нового я не выражу, сказав, что персонажи Грина нереальны. Мне кажется, что Грин когда-то обиделся на людей, резко отграничил себя от них, замкнулся, стал хмурым.

Может быть, я ошибаюсь, находя в личности Грина нелюбовь к людям. Ведь есть чудесное воспоминание о нем: летом, в часы досуга он мастерил для детей луки!

Я как бы защищаю вас, товарищ Паустовский, от увлечения Грином. Что мне хочется доказать вам? Послушайте меня: Грин не великий писатель. Это совсем особое явление, я согласен, Грином можно восторгаться, но в Грине нет того, что отличает великих писателей. Все они отражают в своих произведениях то, что является для них современностью. Можно сравнивать выдумку Грина с выдумкой Эдгара По, Теодора Гофмана, Уэллса. Но это великие писатели! Гофманские студенты, старики, куклы, музыканты отражали век. Уэллс фантазирует по поводу техники: он более, чем кто-либо, писатель своего общества и своего века. Что касается Эдгара По, то «Черная кошка» абсолютно «современный» для той эпохи рассказ. Это рассказ о стенах, о закоулках, о подвалах — американский, городской рассказ. Можно без конца приводить примеры.

Этого у Грина нет!

Грин считал себя символистом. Я слышал это из его собственных уст. Разговор шел о его романе «Блистающий мир». Помните? Это о человеке, который мог летать. Я восхищенно отозвался об этом замысле. Человек летает! Первое появление его — помните? — в цирке, он бежал по арене, круг за кругом, все быстрей и быстрей и вдруг отделился от земли и взлетел — и зрители с криками ужаса бросились вон из цирка.

Грин разочаровал меня. Я думал — выдумка, эффектная, страшноватая, а он сказал:

— Ну... это дух. Я имел в виду человеческий дух... Я символист.

Вы очень любите Грина, но как раз там, где вы далее всего уходите от него, вы проявляетесь лучше всего. Из трех рассказов, которые я прочел, самый лучший, по-моему, рассказ «Потерянный день»! Как раз тот рассказ, в котором вы описываете могилу Грина.

Этот рассказ полон жизни. Очень хороший рассказ! Отлично сделанные фигуры шофера и старой еврейской матери. Все хорошо: картины природы Крыма, ночная Феодосия. Много юмора (кстати — у Грина совсем нет юмора! Шутки, которые отпускают его матросы, не смешны). Чудесна история о шофере, который вез цветы для празднования первого мая и старался ехать осторожно, чтоб «не обить цветы». И хорошо, что, оглянувшись, шофер увидал за собой других шоферов — целый поезд медленно катящихся машин — «почетный конвой при цветах».

У старой еврейки много детей: в Москве, в Горьком, в Карасубазаре, в Одессе, Джанкое и Мелитополе.

— С такими детьми можно выучить географию, — говорит у вас старая еврейская мать.

Весь рассказ полон любви к людям. Это советские люди. Вот татари грузят в автомобиль ящик с курами: «Испанским детям от наших татарчат».

— Боже ж мой, — закричала старуха и взмахнула руками, — так что же вы шепчетесь с шофером, как последний спекулянт? Надо было раньше сказать! Если не хватает места, так я, старая женщина, вылезу и дохромаю до Карасубазара пешком ради такого золотого багажа!

— Ничего, сиди, — сказал шофер: — как-нибудь я тебя довезу.

Шофер у вас замечательный. Особенно, когда он, занятый починкой, подает реплики из-под автомобиля.

Может быть, слишком цветист рассказ? Корзина с курами — это само по себе выразительно. Кроме того, вы сообщаете, что ветер подымает пух на головах кур. Не довольно ли? Но вы добавляете еще, что «куры делались похожими на сумасшедших растрепанных чудаков». Мало того, что «растрепанных» — еще и «сумасшедших». И что это значит — сумасшедший чудак?

Мне кажется, что надо писать суше. У вас есть прекрасный рассказ о казни лейтенанта Шмидта. Вот ваша настоящая форма.

Почему вы не пишете пьес? «Гончие псы» — могли бы быть пьесой. Между прочим, это большая смелость браться за старую тему об обсерватории в горах. Но все зазвучало по-новому. Ведь это повесть не об оторванности науки от жизни, как это было в других случаях, где трактовались обсерватории в горах, — в вашей повести вы говорите о конце старого гуманизма. Дух Ромэн Роллана веет над этой повестью.

Она очень хороша в композиционном отношении. Кстати, о цветистости прозы. Вот, описывая место действия, вы говорите: сухие дубовые листья залетали в обсерваторию. По-моему, замечательная деталь! Это никак не цветистость. Наоборот, очень просто, но как это выразительно! Весь пейзаж в этом. И это дает ощущение пустоты воздуха, какую-то прозрачность, тон одиночества.

Опять критика: можно ли сказать, что человек «кричит песню»? Может быть, можно, но это ужасно выпирает из фразы, очень уж получается «от автора». Вы предлагаете читателю остановить внимание на том, что вы придумали. Этого нельзя делать. К чему? Человек просто поет, и этого уже достаточно. Лучше всего финальное переживание старого Мэро, когда он думает о своих товарищах-астрономах, что они «старые, но храбрые люди». Храбрость старого человека кажется всегда наиболее справедливой.

Я буду взывать к вам, товарищ Паустовский: пишите суше!

Как был бы хорош ваш «Кипренский», если бы он не был так красив. Слишком красиво! Почему, изображая Нестора Кукольника, вы не можете обойтись без цилиндра и плаща? Не мелко ли это? Ведь мы знаем источник. Портрет работы Брюллова? Какая-то мелочность есть в этом.

Давайте поговорим о тонкостях. Вот ваша фраза:

> Раскаленные ядра скакали по липовым бульварам музыкальной Вены.

Раскаленные ядра, липовые бульвары, музыкальная Вена. Каждое существительное имеет при себе эпитет. Причем расстановка такая: эпитет — определяемое, эпитет — определяемое, эпитет — определяемое. Какой-то скучный счет! А не лучше ли только к одному из существительных, по выбору, приставить эпитет?

Ведь вы это сами знаете! Ведь у вас отличный вкус! Вот как, например, вы описываете старинные портреты:

> Короли и императоры неторопливо скакали на этих портретах в желтом пороховом дыму.

Конечно, эти конные фигуры на старинных портретах производят впечатление именно неторопливо скачущих. Точнее определить нельзя.

Образ художника выписан у вас великолепно. Из-под вашего пера мог бы вылиться целый ряд превосходных вещей такого рода. Они очень нужны. Культурное значение их велико. Рассказывать молодому поколению о великих людях, делиться своим знанием! Может быть, я не прав, придираясь к их формальной стороне. Но огорчает, когда такой талантливый человек, как вы — и, главное, так любящий литературу и живопись и ценящий именно проявление мастерства, — допускает в своем мастерстве ошибки. Это, действительно, ошибки. Их можно избежать. Вот, например, фраза:

> Топот наполеоновских коней разносил по самым глухим городкам славу побед, революционные декреты, шелест изорванных знамен.

Вероятно, вы не заметили: у вас получилось, что топот разносит шелест. Возможно ли это?

Опять мне хочется сказать: настоящая ваша форма — это то, что вы показываете в рассказе о расстреле лейтенанта Шмидта и в рассказе «Потерянный день».

Закончить мое письмо к вам я хочу просьбой: напишите пьесу. Она вам удастся: у вас фантазия, чувство драматического, умение лепить фигуры, человечность, теплота, юмор.

Художник, который придумал такую сцену, как чтение стариком-астрономом письма разбившегося летчика, — настоящий драматург.

«Старик крепко взял меня за плечо и повел по двору к воротам; мне хотелось плакать от страха перед ним, но он шагал так широко и быстро, что я не успел заплакать, как уже очутился на улице...».

Издательство «Academia» выпускает **«Детство» М. Горького с иллюстрациями художника В. А. Дехтерева.**

К 15-летию Адыгейской автономной области

Литература адыгейского народа

Адыгейская автономная область, образованная в 1922 г. по инициативе товарища Сталина, празднует ныне пятнадцатилетие своего существования.

История адыгейского народа до Великой пролетарской революции была историей героического народа, последним из народов Кавказа сложившего свое оружие в неравной борьбе с русским царизмом. Это была история чудовищного гнета, неоднократных и жестоко подавляемых восстаний бедноты против своих князей.

Сейчас — это цветущий народ, замечательно работающий, поющий чудесные песни, молодо пляшущий на вольной своей земле.

Не имевшая до Великой пролетарской революции письменности, Адыгея провела сейчас первый с'езд писателей, обсудивший на конкретном материале адыгейской литературы сложные и глубокие вопросы художественного творчества.

Адыгейский народ имеет свое искусство, свою устную художественную литературу. Аулы Адыгеи богаты настоящими талантами. Пышно цветет адыгейский фольклор.

Устные эпические произведения — былины, сказания—отразили горячий протест масс против гнета и бесправия при царском строе, рост революционного сознания, неугасимую ненависть к угнетателям.

Многообразен фольклор адыгейского народа — сказки, легенды, песни, поговорки, пословицы, загадки. Героический народный эпос из уст в уста передается стариками-оредиусами (песнеслагателями). Они не только хранят в памяти старинные былины и песни, но и создают новый революционный фольклор — сказания и гимны о Ленине и Сталине, о героях нашей родины, о счастье народа. Особенно эмоциональное и художественно ценное отражение нашли в фольклоре Адыгеи образы Ленина и Сталина.

Представители народного творчества известны всей стране.

В одном ауле на Теучеж Цуг поет молодые песни о новых людях старик Халаште Тхайхач. В ауле Лакшукай, Хакуратенского района, живет старый поэт Нацпок Халид; в Пчегатлукае живет замечательный сказитель былин о приключениях адыгейских богатырей-нартов Аюб Хамгаху.

На основе народного устного художественного творчества выросла письменная художественная литература Адыгеи. Здесь в первую очередь следует говорить о ее зачинателях — Темботе Керашеве и Ахмеде Хаткове.

Близость к истокам подлинного искусства— к народному творчеству, активное участие в работе нашей великой партии, идейная и художественная зрелость — вот что делает Керашева и Хаткова подлинно советскими писателями.

Керашеву, Хаткову и другим авторам, сплоченным вокруг большевистской партии, пришлось создавать адыгейскую советскую литературу в классовых боях против врагов всех мастей — троцкистов, националистов, реакционеров из духовно- арабистской интеллигенции и т. д.

В этих боях против враждебных течений вырастала молодая советская литература Адыгеи.

Автор романа «Шамбуль», рассказа «Позор Машука» и ряда отличных очерков — Тембот Керашев по праву занимает одно из первых мест в этой литературе.

Его роман «Шамбуль» — первое большое прозаическое произведение на адыгейском языке.

Молодые начинающие прозаики: Тлюстен Юсуф, Ашкан, Уджуху Халид, Евтых Аскер — талантливые люди, для которых сейчас самым важным является вопрос овладения литературным мастерством.

Говоря о поэзии Адыгеи, мы должны первым назвать имя передового поэта адыгейского народа Ахмеда Хаткова. В ближайшее время выйдет его книга стихов в русском переводе. Это поэт больших мыслей и ярких чувств. Его мужественные строки прекрасно передают биение горячего сердца, полного любви к родине и неистребимой ненависти к ее врагам.

Творчество Хаткова не свободно от недостатков. На первых порах поэтической работы у него была торопливость, хроникальность, он календарно откликался на политические события. Он не работал над стихом глубоко и упорно.

Постепенно он подошел к созданию произведений, в которых сочетались идейная глубина с правдивостью, простотой и ясностью.

Молодой поэт-комсомолец Мурат Паранук делает первые попытки в области стихотворного эпоса. «Начмаз» при всей неслаженности его композиции, по удаче основного художественного образа, по легкости языка, по поэтической свежести, по подлинно народному остроумию — несомненно одно из заслуживающих внимания поэтических произведений адыгейской литературы.

Аскер Евтых, Нач, Анлрухаев, Жане Кермизе принадлежат к молодым кадрам адыгейской поэзии. Эти несомненно одаренные поэты растут замедленными темпами, главным образом из-за отсутствия в Адыгее настоящей, квалифицированной большевистской критики.

Создание кадров критиков—сейчас один из основных вопросов, стоящих перед адыгейской литературой.

Настало время организовать в Адыгее свой журнал, который несомненно сыграл бы значительную роль в собирании и воспитании литературных сил.

Особо следует поработать литераторам над созданием пьес. Адыгее нужен свой театр, для которого необходим репертуар. Самодеятельное искусство также ждет произведений своих драматургов.

У писателей Адыгеи имеются сейчас все условия для того, чтобы давать полноценные художественные произведения. Адыгейская художественная литература должна перейти на новую, более высокую ступень развития.

Гр. КАЦ

Ростов-на-Дону.

Н. ПАНОВ

От космоса к реальности

В 1912 году вышел в свет первый сборник стихов М. Зенкевича «Дикая порфира». Это стихи о космосе, о ящерах и махайродусах — чудовищных обитателях доисторической земли, о далеком будущем нашей планеты, когда земной шар станет ледяным и безжизненным. Тематика эта дала повод критике зачислить автора в разряд представителей «научной поэзии».

Как некое художественное и идеологическое кредо Зенкевича того времени воспринимается его стихотворение «Мясные ряды», сравнивающее вселенную с огромным мясным прилавком:

Скрипят железные крючки и
блоки,
И туши вверх и вниз скользить
должны.
Под бледною плевой
кровоподтеки
И внутренности иссиня-черны.

Здесь типично для автора вещное, конкретно натуралистическое восприятие мира, поставившие поэта в ряды акмеистов, предельный пессимизм, трагедийное ощущение действительности, которыми пропитано все дореволюционное творчество поэта.

Когда читаешь книгу «Набор высоты», где собраны стихи Зенкевича за 25 лет, трудно избавиться от ощущения предельной внутренней опустошенности его дореволюционного творчества. Чем интересовался поэт, какие темы привлекали его, кроме темы разложения, смерти, жизненного тупика? Вот «День в Петербурге» (1912 г.). «Чад в мозгу, и в легких никотин — и туман пополз. Золота промытого крупица не искупит всю дневную муть». «Удавочка»—песня о смертниках, с рядом тошнотворных подробностей казни. Ультра-натуралистические картины «Бык на бойне» и «Свиней колют». Описание гибели авиатора (1917 г.). «Он лежал в воронке в обломках мотора, — человеческого мяса дымящееся жаркое».

Кажется — с таким грузом беспросветного, циничного отчаяния поэту невозможно было перейти на позиции советской поэзии. Это, видимо, чувствовал и сам автор, в стихотворении «Отходная из стихов» (1926 г.) поставивший себя перед дилеммой — продолжать или нет стихотворную работу:

Ее, как молодость, сбросить легко.
Попробуй, но только смотри, —
Поэт — наркоман, а какой наркоз
Ужасней наркоза рифм!

И Зенкевич решается на коренную внутреннюю перестройку. Его тематика изменяется. Он пишет о матросе с «Потемкина», о волховской гидроэлектростанции, дает цикл стихов о декабристах.

Со сменой поэтических вех он даже пытается реконструировать свой поэтический стиль, стремится, например, усвоить разговорные интонации Сельвинского:

Тридцать зарубок уже перешло:
Багажа многовато, пожалуй.
Заметьте:
В воздухе ценится каждое кило
Почти на вес золота, вернее—меди.
... Не примечателен с виду ничем
Летчик, ведущий машину
на Харьков.
Потертые кожаные куртка и шлем
И вдобавок фамилия: Захаров.
(«Перелет Москва—Армавир»).

Эти «поиски оптимизма», уход от старой тематики долго не удаются поэту. Квалифицированный мастер как бы утрачивает прежнее мастерство. Поэтические обобщения сменяются поверхностным репортажем, да и репортаж этот иногда снижается до уровня наивной рабкоровской зарисовки.

У сцены под открытым небом
В земле скамейки. Сотня мест.
Все заняты. Ищу я, где бы
К президиуму ближе сесть.
... Тут об'яснение простое:
Замедлился уборки ход,
Повысился процент простоя,
Горючего перерасход...
(«Собрание рабочкома»).

Вообще весь цикл «Машинная страда» (о посещении поэтом заволжского зерносовхоза в 1930 году) не отличается высоким художественным уровнем. Это не раскрытие вещей изнутри, а только, по большей части, фотографическое их воспроизведение. Зенкевич делает ценнейшую попытку дать поэтические портреты людей современности: тракториста, героя гражданской войны («Недосказанная жизнь»), молодой ударницы совхоза («Комбайнерша с красной доски»). Удачно подмеченные частности не создают еще целостного образа. Поэтому и весь цикл воспринимается скорее как первоначальные наброски к большой, еще не созданной совхозной эпопее.

Но эти неудачи, возможно, уже несли в себе зародыши будущей победы. Я имею в виду небольшую поэму «Говорит Сириус», завершающую рецензируемую книгу.

Здесь — через двадцать лет — Зенкевич опять подошел к своей «коронной» теме смерти и трагедийности. Но разработал ее на материале катастрофы стратостата «Осоавиахим» («Сириус» — позывной сигнал стратостата). Здесь мы видим уже не прежнего холодного поэта — созерцателя космических процессов, а советского человека, искренне переживающего гибель дорогих ему стратонавтов.

Сириус! Сириус! Синий Сириус!
Голубая зимняя звезда!
Алым приемником сердца силюсь
Уловить твое ответное «да»...

Как противовес безысходности первых циклов воспринимается концовка поэмы:

Последний привет их был
комсомолу.
И приемником сердца заполучить
Сумеет тот, кто отважен
и молод, —
Позывные космические лучи...
Чтоб, превзойдя всех дерзаний
меру,
Люди будущего могли
Вдыхать разреженную
стратосферу,
Как чистый бесклассовый
воздух земли!

От планетарных, отвлеченных тем через предельное приближение к действительности — снова к космосу — по-новому осмысленному, вот интересный и своеобразный путь поэта. Присущая ему блестящая отработка отдельных деталей образа, широкое использование свободного стиха, умелый выбор рифмы, переход его на темы, близкие нашей современности, дают возможность воспринять книгу, отмечающую двадцатипятилетний юбилей М. Зенкевича, не только как творческий итог, но и как обещание новых поэтических достижений.

М. Зенкевич. «Набор высоты», Гослитиздат, 1937 г. Тираж 5.000 экз. 232 стр. Цена 4 руб.

Любимый писатель

Краевые и областные издательства из года в год выпускают большими тиражами сочинения А. М. Горького, ибо центральные издательства не могут удовлетворить спрос рабочего и колхозного читателя.

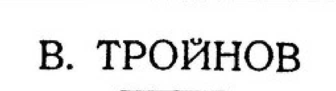
Горьковское издательство выпустило в этом году «Мои университеты», «В людях», «Рассказы» Горького и книгу «Горький о Пушкине». В ближайшее время выходит сборник воспоминаний — «Максим Горький на родине».

Дальневосточное издательство выпустило на корейском языке книгу «Избранный Горький».

Роман «Мать» вышел в саратовском издательстве и выпускается в Красноярске на хакасском языке. На этом же языке выходит сборник рассказов Горького.

В массовой библиотеке классиков, выпускаемой Восточносибирским издательством, выходит «9 января» Горького.

И все же этих книг нехватает: каждый вновь выпущенный сборник произведений М. Горького раскупается в несколько дней.

АВИАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Работникам библиотеки Военно-воздушной Академии принадлежит замечательный почин. Они составили большой рукописный сборник стихов советских поэтов—«Авиация в советской поэзии».

В красном переплете — любовно сброшюрованная рукопись «Авиация в советской поэзии». В ней около 200 страниц большого формата. Здесь есть отделы: «Героическое», «Лирика», «Парашютизм», «Памяти погибших» и «Военно-воздушная Академия».

В первом разделе сборника—текст авиационного марша «Все выше» П. Германа, «Воздухофлотская»—авторского коллектива ЦАГИ, «Оборонная комсомольская»—С. Михалкова, «Песня летчика», «Летающий пролетарий», «Авиастихи»—В. Маяковского и др.

Всего собрано около **120** произведений: В. Маяковского, Н. Асеева, В. Гусева, С. Кирсанова, Сулеймана Стальского и др. В сборнике представлено около **100** советских поэтов.

Рукопись имеет все права быть изданной и ждет своего читателя.

Ю. АРДИ.

В гостях у моря

«У моря раскинулся лагерь,
Там горны звучат по утрам, —
И бодро взвиваются флаги
Навстречу приморским ветрам...»

Так начнется новая радиопередача детского сектора Всесоюзного Радиокомитета, текст которой написан О. И. Высотской, а музыка — композитором В. П. Кочетовым.

Этой музыкальной пьесой ВРК открывает цикл передач, посвященных двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Авторы ставят своей задачей рассказать о счастливом детстве советских ребят, окруженных заботой партии и правительства.

В музыке, использующей все краски симфонического оркестра (картины моря, пляски у костра), значительное место, по словам композитора В. Кочетова, занимает песенный материал («По волнам», «В горах», «Песня юных авиамоделистов» и др.), заканчивающийся песней «Наш лагерь».

★

Постановка радиопередачи «В гостях у моря», приуроченная к открытию нового учебного года, намечена к выпуску **29** августа.

«...Цыганок на минуту остановился и, подскочив, пошел вприсядку кругом бабушки, а она плыла по полу бесшумно, как по воздуху, разводя руками, подняв брови, глядя куда-то вдаль темными глазами».

Издательство «Academia» выпускает **«Детство» М. Горького с иллюстрациями художника В. А. Дехтерева.**

К 15-летию Адыгейской автономной области

Сказки адыгейского народа

В начале XIX столетия мирные адыгейские аулы подверглись нападению русских колонизаторов.

Народ встал на защиту своей земли.

«Дать горцам хороший урок, чтобы они обожглись», — начертал коронованный палач Николай I на одной из реляций о «беспорядках среди горских племен». Царские сатрапы блестяще выполнили это предписание.

Разоряли и угнетали адыгейцев не только царские военачальники и чиновники. С незапамятных времен на плечах адыгейской бедноты сидели князья, дворянство и муллы.

Обездоленные бедняки не раз восставали против своих феодальных угнетателей.

Одно из самых значительных народных восстаний было в 1796 году. На реке Бзиюко, недалеко от нынешнего Краснодара, между беднотой и знатью произошла кровавая битва. Она окончилась победой князей, на помощь к которым пришли войска Екатерины II.

Князья не забыли помощи русского царизма: в кавказскую войну они помогали царским сатрапам покорять горские племена, в годы гражданской войны они сражались на стороне Деникина и других белых генералов.

Долгая и упорная борьба трудящихся масс против князей и царских колонизаторов нашла яркое отражение в адыгейском фольклоре.

Рабское положение адыгейцев при царизме не позволяло народу открыто высказывать свое недовольство. О многих вещах приходилось говорить, прибегая к «эзопову языку». Большой интерес в этом отношении представляет сказка «Комары». Вот вкратце ее содержание:

У комаров пропал князь. Собрались комары и говорят: как жить без князя? У всех князья есть, а у нас нет. Нужно найти и выручить его.

Сели комары на коней и поехали на поиски своего начальника.

В пути их застала ночь. Остановились они у старой мыши. Сидят за столом невеселые, — ни песен не поют, ни сказок не рассказывают. — Отчего вы такие грустные? — спрашивает путников старая мышь.

Тут рассказали комары о своем горе.

Усмехнулась старая мышь и говорит:

— Разве это горе? Вот у нас с стариком было двенадцать мышат, и все погибли: двое утонули в бочке с брынзой, трое задохлись в просяной шелухе, остальных раздавило упавшей доской. Остался живым единственный мышонок — самый младший, самый любимый, да и того кот с'ел. Вот это истинное горе. А потерять князя — не горе: можно жить без князей.

В самом деле, — подумали комары; есть из-за чего беспокоиться. На что нам князь?

С тех пор живут комары без князей — мирно и хорошо.

Однако сказочники не всегда прибегали к иносказаниям. В адыгейском фольклоре немало произведений, которые прямо говорят о необходимости истребления знати и ее русских покровителей.

Разоблачается в сказках также «святость» и непогрешимость мусульманского духовенства. Одна из популярных сказок изображает муллу колдуном, вурдалаком, питающимся человеческой кровью и мясом.

Адыгейская беднота создала также много произведений о народных героях, о храбрых, сильных витязях, отважно сражающихся за счастье бедняков, об умных и ловких юношах, спасающих от разорения свою родину.

За рекой на опушке леса, — говорится в сказке «Куйжий и великаны-разбойники», — поселились семь братьев-великанов. Они грабили аулы, брали в плен людей и продавали их в рабство.

Никто не мог с ними справиться, они были так сильны, что одним ударом обращали в прах и всадника и коня.

— Делать нечего, — придется мне взяться за этих разбойников, — сказал тогда куйжий, что по-адыгейски значит замухрышка.

— Что за дурак! Ступай отсюда с глупыми шутками, — накинулись на куйжия князь и его приближенные. Это не смутило храбреца. Он отправился в лес, захватив с собою вместо оружия мешок муки и кружок свежего сыру.

Вскоре он встретился с младшим из братьев-великанов, который предложил ему состязаться в силе.

Взял великан большой камень и размолол его в порошок. Взял другой камень и выдавил из него воду.

Не растерялся куйжий: бросил свой мешок и поднял вокруг себя облако муки. Потом вынул сыр, выдавил из него сыворотку и стал есть, приговаривая: «Можешь ли ты есть камни?».

Так победил храбрец младшего из братьев, а потом и остальных великанов прогнал далеко от аула.

Прогнал он также князей и дворян, так как они «глупые, трусливые, ни на что не годные люди».

Характерной особенностью адыгейских сказок является их оптимизм. В них зло везде побеждено, а «это — хорошее свидетельство о здоровье народа», — писал А. М. Горький в письме к составителю сборника «Горские сказки» П. Максимову.

В настоящее время этот сборник выходит в издательстве «Советский писатель».

Приходится только пожалеть, что в книге совершенно не представлены образцы послеоктябрьского фольклора адыгейского народа.

В. ТОНИН.

В. ТРОЙНОВ

Максим Горький о Льве Толстом

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННИКА

На одной из литературных «сред» Горький много рассказывал о Л. Н. Толстом.

Он только что вернулся из Ясной Поляны и был захвачен впечатлениями от поездки.

Вот моя отрывочная запись его рассказа, относящаяся к зиме 1902—1903 года.

В доме Толстого всегда тесно, всегда новый, самый разношерстный народ. При мне приезжали сектанты, учащиеся, рабочие из Тулы, два рыбинских мукомола, военные и какой-то американский генерал Армии спасения. О писателях говорить не приходится: там наша Мекка. Меня утомляла эта вечная сутолока и пестрота разговоров, жизнь на виду, а Толстой сидит среди гостей, как ни в чем не бывало, говорит, слушает и все воспринимает как что-то необходимое и важное.

В сущности, все хорошо знают, что Толстой — мистик, Толстой — непротивленец злу. Всем известно, в каком духе напишет он сегодня, завтра. И даже внешность его примелькалась по бесчисленным портретам: большой, глыбистый лоб, мохнатые нависшие брови, по-мужицки отпущенная борода, сплющенные губы, как у всех беззубых стариков, и во всей фигуре, несмотря на кажущуюся простоту, — что-то удивительно благолепное, беззлобное.

Но это — Толстой книжный. А вот Толстой «с глазу на глаз», Толстой живой — загадочен. При первой встрече с ним всегда испытываешь некоторую робость, говоришь с напряжением и никогда не знаешь, что ответит Толстой. Так это, скажет мягким, тихим говорком, словами будто по шерсти погладит, а иногда вдруг ощетинится, глаза сделаются колючими, озорными, и от внешнего благолепия не остается и следа.

Со мной ехала одна курсистка, бойкая, начитанная. В ее записной книжке значился целый ряд вопросов, которые она должна была задать Толстому при разговоре с ним. «Ну, что же, поговорили с Львом Николаевичем?» — спросил я ее, когда она уезжала. «Нет, — ответила она мне с смущением, — уж очень он, знаете, большой...»

После обеда я зашел к Толстому в кабинет, чтобы поговорить с ним наедине. Но и там он сидел не один. С ним беседовал какой-то пожилой военный в отставке.

— По вашему, война в современных условиях потеряла всякий смысл? — спросил Толстого военный.

Толстой откидывается в глубь кресла, лица его почти не видно, слышен только ровный, пророчествующий голос:

— Теперь поставить так вопрос — мало. Некоторые уже отказываются итти в солдаты. Скоро все поймут это.

И вдруг наклоняется вперед, к свету и, прищурив левый глаз, словно прицеливаясь, бойко спрашивает:

— Вы бывали когда-нибудь сами в бою? И сами убивали людей? Пожалуйста, расскажите.

Военный рассказал, что его воспитывали в семье, как красную девушку. Он совершенно не выносил ругательных слов. Ругань ему казалась проявлением чего-то скотского. Когда ему пришлось участвовать в турецком походе, он больше страдал от армейской матерщины, чем от вражеских пуль. Один раз он отстал от своего раз'езда и наткнулся на турецкий пикет. Турки хотели взять его живым. Он отбивался всем телом, но не решался пустить в ход саблю. И когда его положение стало совсем безнадежным, он громко, с каким-то остервенением, произнес одно из коробивших его ругательств. Это сразу приглушило его совесть, он выхватил саблю и стал рубить турок. После этого он начинал бой всегда самой отборной руганью.

— Мне это очень понятно, — воскликнул Толстой. — Воображаю себе, как это у вас вышло. Блестящий офицер, светская утонченность и вдруг...

Толстой оглянулся, нет ли вблизи женщин, и, весь подергиваясь от смеха, выпалил крепкое словцо. Оно получилось у него так просто, как будто он произнес французскую фразу, которой часто пересыпал свою речь, когда говорил с людьми из аристократического круга.

— Вы мои «Христианство и патриотизм» читали? — спросил Толстой, вытирая платком проступившие от смеха слезы.

Военный смутился и признался, что не читал.

— А «Войну и мир»? Это, я знаю, вы читали. Мне самому многое вспоминается из этой книги и так умилительно делается на душе. Помните вступление французов в Москву? «Несколько мгновений после того, как затихли перекаты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе...».

Чмокнув по-стариковски губами, с простодушной улыбкой Толстой добавил:

— Это, пожалуй, у меня не хуже Пушкина вышло: И «стая галок на крестах». Только Пушкину все легко давалось, а я двадцать томов одного Тьера перечитал, чтобы дать эту черточку тогдашней Москвы. Ах, как трудно писать. Особенно про войну. У меня под рукой были Сегюр, Шамбрэ и сотни русских мемуаров и исторических исследований. Мне нужно было изобразить народное движение, мужицкую силу, а у них — одно внешнее, выдуманное геройство. Героев нет. Есть самые обыкновенные люди. Приказами нельзя заставить массы итти в огонь, если общий ход событий не совпадает с волей единичных руководителей. Вот Стендаль, тот лучше: он смотрит на войну глазами свежего, постороннего человека. Это правдивее и острее. Я пошел по тому же пути. Пьер Безухов у меня также в первый раз попадает на поле сражения. Я к Горькому не обращаюсь. Он все писательские фокусы знает. А вот, вы военный, как думаете?

— Можно одно сказать: гениально, — ответил военный. — Но некоторых лиц вы обидели. Например, маршала Нея. Ней вышел из народа. Он даже был против 18 брюмера, и после поражения Наполеона он совершил, действительно, сказочное отступление, пройдя с 6000 почти безоружных людей мимо 80.000 русской армии.

— Это говорит тот же ваш Сегюр. Но это не меняет дела. Важно, что Наполеона выгнали мужики, смерды. Разве не правда? — Толстой сурово сдвинул вз'ерошенные брови и уставил на военного свои маленькие серые глаза — две огненные точки, менявшие выражение его лица до неузнаваемости.

Толстому можно было многое поставить в упрек: и то, что он не раскрыл в своем романе социальное неравенство классов, и то, что, назвав войну народной, дал главным образом аристократическую Россию. Но когда я взглянул на эту умную, светлую голову, полную огромной силы и мужественности, и вспомнил, как при чтении его романа у меня исчезали перед глазами печатные страницы и я видел только живых людей, у меня не пошевелился язык для возражений.

На следующий день мы ехали лесом. Толстой сам правил лошадью, сидел спокойно, с'ежившись в маленький комочек.

Дорогой он, так же как и в Крыму, убеждал меня бросить человеческую гордость и последовать евангельскому учению, оно несет людям избавление от всякого порабощения.

Я указал, что к этому ведет «Коммунистический манифест». Толстой подхлестывает лошадь и что-то ворчит себе под нос. Ветер заглушает его голос.

Не зная, к кому могут относиться слова Толстого, я его переспрашиваю:

— Что? — сердито повторяет он.

— Я говорю: ваш бог — Маркс. Но этот бог — бог настоящего. А мой бог — вечный.

И он начинает со всей страстностью доказывать преимущества своего бога.

В нравственных исканиях Толстого — вечная трагедия. Он становится христианином чистейшей воды, — церковные мракобесы предают его анафеме. Его страстные протесты против солдатчины и войны создают ему мировую славу убежденнейшего защитника мира, — казенные пацифисты обходят его Нобелевской премией. Он ищет отшельнической, бескорыстной жизни, — и с каждым годом растет роскошь в его доме и увеличивается богатство.

Проходит несколько минут молчания. Но Толстому не терпится. Ему хочется поделиться со мной мыслями о несовместимости насилия с человеческим разумом. Он наизусть приводит изречения Лао-Тсе, Сократа, Паскаля. За глыбистым лбом, изборожденным морщинами, незримо запечатлена мудрость всех времен, и Толстой с поразительной ясностью излагает религиозные и философские учения, начиная от буддизма и кончая ницшеанством.

Во время разговора слышится отрывистый, тонкий лай.

— Это лиса! — восклицает Толстой, останавливает лошадь и зорко оглядывается кругом.

— Да вы посмотрите. Лиса! Да не тула. Вон там!

Действительно, по лесной поляне, прижимаясь к снегу, бежала лиса. Толстой весь трепещет и с писком в голосе повторяет: «Лиса! Лиса!».

Зверь от крика побежал еще быстрее и скрылся за кустами.

— Ах, как жаль! Ах, как жаль, — вздыхает Толстой, трогая лошадь.

Я думал, что он в добавление к рассуждениям о насилии перенесет свою теорию и на зверей, и настороженно поворачиваю к нему лицо.

— Неужели вы не понимаете? Жаль, что нет с нами ружья. Ах, какая прекрасная лисица!

Лес кончается, выезжаем на яснополянскую дорогу. Через несколько минут мы дома, и опять этот коловорот: гости, разговоры.

Ив. РОЗАНОВ

Автор популярной песни

Есть поэты—и таких не мало, которых все знают только по фамилиям, а процитировать из них что-нибудь или хотя бы назвать их произведения никто не может. Слава этих поэтов «подобна надписи надгробной».

Есть стихотворения, которые все знают наизусть, не зная, кто их автор. Они переходят из поколения в поколение, продолжают жить, нравиться и волновать, хотя написаны давно, и историческая обстановка изменилась. Стоит кому-нибудь произнести первый стих, другие продолжат. Например, все знают, что за строкой «Славное море, священный Байкал» следует «Славный корабль—омулевая бочка». Кто автор этого произведения? Этого не знал ни Сергей Максимов, в своей известной книге «Сибирь и каторга» засвидетельствовавший популярность этой песни в шестидесятых годах среди ссыльных в Сибири, ни Якубович-Мельшин, подтвердивший то же самое по отношению к концу XIX века в книге «В мире отверженных» (1899). В двадцатом веке песня стала широко популярной всюду и в европейской России. И сейчас это одна из немногих старых песен, которые весьма любимы в народе.

Большинство поющих эту песню и теперь не знают, чья она. Автор ее раскрыт был только в 1928 году в малоизвестном сибирском сборнике. Это—Дмитрий Павлович Давыдов, родившийся в 1811 году, т. е. на 3 года раньше Лермонтова, и умерший в 1888 г. Жил он в различных сибирских городах: Троицкосавске, Якутске, Верхнеудинске, Иркутске, в Тобольске и из пределов Сибири не выезжал. В конце 50-х годов и до начала 60-х годов им издано было в Верхнеудинске, Казани и Иркутске три книжки стихов, не дошедших до столиц, не вызвавших никаких журнальных отзывов и теперь являющихся величайшими библиографическими редкостями. В столичных журналах он почти не выступал, только в газете «Золотое руно», издававшейся в 1858 г. в Петербурге, но посвященной сибирским вопросам, помещено было несколько его «дум», одна из которых «Дума беглеца на Байкале», начинающаяся стихом «Славное море, привольный Байкал», очень скоро и очень прочно вошла в фольклор.

Помещая стихотворения Дмитрия Давыдова, издатель «Золотого руна» рекомендовал его читателям, заявив, что это «сильный и самобытный талант». Тем не менее большой публике имя Дмитрия Давыдова продолжало оставаться неизвестным.

Нельзя не приветствовать изданной в Иркутске книжки избранных стихотворений автора популярной песни, тем более, что он действительно был талантлив.

С интересом прочтется его биография, как одного из многочисленных талантливых русских людей, не получивших признания в царской России.

Дмитрий Давыдов был прекрасный математик, самостоятельно подготовился на кандидата физико-математических наук, и только недостаток материальных средств помешал ему приехать в Москву и держать экзамены при университете; был он этнографом, географом, археологом, принимал участие в научной экспедиции академика Миддендорфа. Одна из статей Дмитрия Давыдова по геотермическим вопросам была напечатана за границей. Был он учителем и смотрителем училищ, был и поэтом.

Стихи его интересны прежде всего своим автобиографическим элементом.

На лыжах я в дремучие леса
Ходил один с винтовкой за плечами.
Унижет ночь звездами небеса—
Разрою снег привычными руками
И в нем смежу усталые глаза.
Питался я убитыми зверями,
Нередко же случалось голод свой
Мне утолять сосновою корой.
Моя душа от горя не черствела:
Поэзия сроднилася со мной.
В тайге, в снегу, я на бересте смело,
С окрепшею от холода рукой,
Писал стихи талинкой обгорелой.

Хороши у Дмитрия Давыдова многие описания сибирской природы, например, реки Лены в стихотворении «Амулет». Ясность, простота, искренность—характерные черты его творчества. Но особенно ценна его любовь к сибирским народам—якутам, тунгусам, бурятам. Они являются главными героями в его поэзии. Он знает и любит их фольклор и горячо верит, что

песни якута
не стихнут вдруг, и добрая судьбина
присудит жить им в сердце славянина.

Теперь, когда мечта его исполнилась, когда интерес к фольклору братских народов, находившемуся так долго в пренебрежении в царской России, проявляется так сильно, как никогда, Дмитрий Давыдов и с этой стороны должен быть нам дорог.

В заключение выскажем одно сожаление: книжка издана на периферии. До сих пор снабжение столиц провинциальными изданиями поставлено из рук вон плохо. Я обошел почти все магазины Москвы в поисках этой книжки, и нигде ее не было. Пришлось выписать самому из Иркутска. Думаю, что я не один, которому эта книжка может быть интересна. Нашему книжно-торговому сектору необходимо об этом подумать.

Д. Давыдов. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Ф. Кудрявцева. Востсибоблгиз. Иркутск. 1937. 316 стр., ц. 3 руб.

Документ о Герцене

В 1856 г. Герцен возбудил ходатайство перед правительством Бельгии о разрешении ему поселиться в Брюсселе. Герцен считал, что на континенте он будет больше в курсе политических событий, чем в Англии.

В ходатайстве Герцену было отказано.

5 октября 1859 г. он обратился с той же просьбой к министру юстиции Бельгии.

Недавно депутат бельгийского парламента Люи Пьерар передал Государственному литературному музею подлинник письма Герцена от 5 октября.

В своем письме Герцен ссылался на то, что он «русский по рождению, натурализовался в Швейцарии» и хочет в Брюсселе «продолжать свои русские издания».

На полях письма, повидимому министром, сделана надпись:

«По какому вопросу и для какой цели эти издания?».

Герцену и на этот раз было отказано в его ходатайстве. Но он все же приехал в Бельгию, виделся с рядом политических деятелей и в частности с польским революционером Лелевелем. Полиция, узнав об этом, забеспокоилась. На квартиру к Герцену явился агент и потребовал, чтобы он оставил пределы Бельгии. Этим дело не ограничилось. Герцена вызвали в министерство юстиции, где усиленно допрашивали по поводу его «натурализации в Швейцарии».

В результате Герцену пришлось покинуть Бельгию.

Экзамен по литературе

Большой читальный зал московского Педагогического института Наркомпроса заполнен молодежью. Идет приемный экзамен по литературе.

— Расскажите об «Отцах и детях», — спрашивает экзаминатор.

«Отцы и дети» отвечающему хорошо известны. Он даже делал в школе доклад на эту тему. Он начинает уверенно, как хорошо заученный урок:

— В «Отцах и детях» главные действующие лица — дворяне и разночинцы. Базаров — это представитель разночинства, Кирсанов—представитель дворянства. В этом произведении Тургенев отразил...

— Погодите, — перебивает преподаватель, — вы в конце скажете, что отразил Тургенев. А сейчас расскажите содержание романа...

Этот, казалось бы, самый легкий вопрос для некоторых экзаменующихся оказывается самым трудным. Несмотря на то, что произведение было прочитано и даже «проработано», память сохранила вместо полнокровных, живых образов одни тощие, схематичные абстракции. Обломов, Базаров, Челкаш, Чичиков, Онегин утратили всякое различие во внешности, в возрасте, в характере. После «проработки» между ними сохранилось только одно различие, это различие представляемых ими социальных групп.

— Обломов — это представитель поместного дворянства.

— Базаров — это представитель разночинства.

— Челкаш — это представитель люмпен-пролетариата.

— Чичиков — это представитель нарождающейся буржуазии.

Некоторые экзаменующиеся тонко анализируют различия между представителями мелкопоместного, среднего и крупнопоместного дворянства. Но они не помнят возраста Базарова или внешности Левина. К чему? Такого рода подробности только отвлекают внимание от «классовой сущности» героев литературных произведений.

Для этой группы сдающих экзамены характерен следующий диалог:

— Что вы можете сказать о Базарове кроме того, что он был представитель разночинства? — спрашивает преподаватель.

— Он был нигилист, — твердо отвечает молоденькая девушка, окончившая этой весной рабфак.

— Что это значит?

— Ну, значит, он все отрицал.

— Все?!

— Ну да все! И дворянство, и помещиков, и капитализм.

— Вы не помните, как он относился к родителям, или к Одинцовой?

— Он относился к Одинцовой физически. А потом попался!

— То-есть как попался?

— Ну, значит, влюбился.

Экзаминатор неумолим. Он проявляет интерес к самым будничным подробностям жизни Базарова. Он хочет знать о его отношении к родителям, к другу, к любимой женщине. Можно подумать, что речь идет об общем знакомом, а не о представителе разночинства. Девушка отвечает на эти вопросы сначала с некоторым недоумением, видимо, опасаясь какого-то коварного подвоха. Но постепенно она входит во вкус, вопросы задаются все реже и реже, волнение и страх бесследно улетучиваются, и она уже с увлечением начинает рассказывать целые эпизоды романа. Неожиданно для нее самой Базаров, Кирсанов и все окружающие из мертвых алгебраических символов превращаются в живых людей, имеющих свои характеры, свои достоинства и недостатки, свои радости и горести.

Характерно, что когда экзаминатор начинает спрашивать о произведениях, не упомянутых в программе и следовательно не «проработанных» в школе, он часто получает более правильные ответы.

Молодые люди, пришедшие на экзамен, избрали литературный факультет потому, что действительно любят литературу. Они много читали, умеют ценить поэзию и знают немало стихов наизусть, некоторые пишут сами. Но за годы, проведенные в школе, на рабфаке, в техникуме, они свыклись с мыслью, что анализ литературного произведения сводится к наклеиванию ярлыков на автора и его героев.

У большинства поступающих, в том числе и у многих отличников, теория литературы — наиболее уязвимое место. Немногие могут четко об'яснить разницу между темой и сюжетом. Совсем слабо разбираются в теории поэзии.

— В чем особенность онегинской строфы? — спрашивает преподаватель.

Студент долго вспоминает и, наконец, собравшись с силами, отвечает:

— Она имеет особенность в смысле построения, ударения, согласования и еще там рифмы...

— Так в чем же эти особенности состоят?

Студент молчит.

— Вы можете прочесть наизусть какую-нибудь строфу из Онегина?

— Хоть двадцать, — с радостью соглашается студент. И в самом деле, он читает без единой ошибки строфу за строфой. Он знает едва ли не наизусть всего «Онегина». И только на экзамене узнал, что весь «Онегин» написан однотипной строфой.

Вообще, Пушкина знают все. Если экзаминатор задает вопрос: «Что вы лучше всего знаете из программы?» — все, как сговорившись, отвечают:

— Пушкина!

И это верно. О Пушкине рассказывают с удовольствием, безошибочно его цитируют. Знают Пушкина гораздо лучше, полнее, чем это требуется программой. Хорошо знают его биографию, в том числе и второстепенные эпизоды, правильно датируют все важнейшие произведения. На вопрос: «Какой ваш любимый поэт?» — почти все отвечают: Пушкин.

У очень многих экзаменующихся плохо обстоит дело с иностранной литературой. Даже отличники, прекрасно отвечающие на вопросы по русской литературе и по теории, начинают сбиваться, когда речь заходит о литературе иностранной.

Студентка, только что замечательно рассказывавшая об «Анне Карениной» и «Ревизоре», откровенно признается, что не читала Байрона.

Преподаватель вне себя. Он уже хотел поставить ей «отлично». И вот такой позорный ответ. Вправе ли он теперь поставить хотя бы «посредственно»?

На каждое место литературного факультета приходится три кандидата. Не приходится сомневаться, что при таком большом конкурсе институт сможет отобрать на литературный факультет действительно подготовленный контингент учащихся. Тем более, что в этом году общий уровень подготовки поступающих заметно выше, чем в прежние годы.

Наилучшую подготовку дала в этом году школа-десятилетка, оставив далеко позади себя и рабфаки и техникумы. Как правило, лучшие отметки получают выпускники московских школ. Но все это ни в какой мере не может снять тревоги за постановку литературного образования в нашей средней школе.

Перестройка исторического образования, проведенная на основе специального решения ЦК партии и СНК СССР, должна послужить примером и для перестройки литературного образования.

А. БЕР.

«Женщины у окна».
Выставка работ шведского революционного художника **Альбина Амелин** в Государственном музее нового западного искусства (Москва).

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Подлинные философические рассуждения Владимира Луговского и Козьмы Пруткова, взятые из их книг

(К. Прутков. Полное собрание сочинений. 1897 г. и В. Луговской. «Жизнь». 1933 г.)

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Толпой огромною стеснилися в мой ум
Разнообразные, удачные сюжеты...
Я думал в «мировой поэме» их развить,
В большом, посредственном иль маленьком масштабе.
И уж составил план. И, к миросозерцанью
Высокому, свой ум стараясь приучить,
Без задней мысли, я к простому пониманью
Обыденных основ стремился всей душой...

В. ЛУГОВСКОЙ

Я захочу — и сахарницу сдвину.
Она покорно отойдет направо,
Или налево — как я прикажу.
Такой закрытый, осторожный, теплый,
Мир небольших предметов и движений...
Уверенность и легкая свобода
Вдруг начинают волновать меня...
Я отворяю окна, ставни, двери,
Чтобы врывался горький ветер мира
И славная, жестокая земля
Срывала вороватые прикрасы
Ненастоящих, непростых мирков,
Которые зовутся личным счастьем...

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Очистив главную творения идею
От ей несвойственных и пошлых положений,
Уж разменявшихся на мелочь в наше время,
Я отстранил и фальшь, и даже форсировку;
И долго изучал, без устали, с упорством,
Свое, в изгибах разных, внутреннее «Я»...

В. ЛУГОВСКОЙ

Я двигался в колючем ритме сучьев,
Гремел в подводах, шел и спотыкался,
Хотел бежать как лошади, шнырять,
Раскидываться на ветру и сразу
Увидеть, как устроены созвездья...

КОЗЬМА ПРУТКОВ

С задатком опытной практичности житейской,
С запасом творческих и правильных начал,
С избытком сил души и выстраданных чувств,
На данныя свои взирая об'ективно...

В. ЛУГОВСКОЙ

В тот миг, наверное, я стал поэтом,
За что меня простят мои враги.

Литературный Киев

«Думи українського народу» — книгу, в которой собраны чудесные образцы народной поэзии XVI, XVII и XVIII столетий, выпускает Гослитиздат Украины. Книга, с иллюстрациями художника Инсакевича, выйдет в конце года.

«Виргилиева Энеида» Ив. Котляревского выпущена Гослитиздатом Украины. Книга богато иллюстрирована. Переплет сделан из украинской плахты, вытканной колхозницами артели им. 8 марта (с. Дегтяры, Среблянского района, Черниговской области).

К двадцатилетию Великой Пролетарской революции Гослитиздат Украины выпускает **юбилейные издания украинских классиков,** оформленные лучшими художниками УССР. Выйдут: сборник шести поэм Шевченко, «Лісова пісня» Леси Украинки, «Народні оповідання» Марка Вовчка, «Фата моргана» М. Коцюбинского и «Бориславські оповідання» Ив. Франка.

Группа рабочих завода «Большевик» пишет пьесу, в которой будет показана жизнь завода за последние 20 лет. Музыку к пьесе сочиняет инструментальщик завода тов. Карамзин. Пьеса пойдет в дни празднования двадцатилетия Великой Пролетарской революции в исполнении заводского кружка художественной самодеятельности. В ней будут участвовать свыше **300** человек.

Собрание писателей Киева утвердило решение правления союза украинских советских писателей об исключении из союза тт. Бондаря, Горенко, Дубкова, Киселева, Бурлака, Яковенко, Лысогорко и Дорошенко. Все они исключены как творчески не проявившие себя.

Президиум Киевского горсовета постановил переименовать улицу Борохова **в улицу имени великого грузинского поэта Шота Руставели** и Мeринговую улицу — **в улицу имени великого иранского поэта Фирдоуси.**

Совнарком УССР и ЦК КП(б)У поручили Управлению искусств при СНК УССР **привести в порядок могилы выдающихся деятелей культуры.** В связи с этим скульптор Белостецкий работает над надгробным памятником известному украинскому композитору Лысенко, скульптор Пивоваров — над памятником писателю А. Тесленко, скульптор Петрашевич готовит памятник писательнице Лесе Украинке и скульптор Петрашевич — памятник артисту Садовскому.

М. ЖИВОВ

Повесть об Эстремадуре

Эстремадура — область Западной Испании, пограничная с Португалией. Включает две современные испанские провинции: Бадахос (Южная или Нижняя Эстремадура) и Касерес (Северная или Верхняя Эстремадура)... Экономически Эстремадура — район животноводства. По овцеводству Эстремадура занимает первое место среди областей Испании. Земледелие на втором плане; существенное значение имеют насаждения маслины и фруктовые сады...

Это мы можем узнать об Эстремадуре из энциклопедий. Из газет, из сегодняшних газет, которые в первую очередь привлекают наше внимание сообщениями с испанского фронта, — мы знаем, что Эстремадура стала одним из участков борьбы революционного испанского народа с мировым фашизмом. Поля Эстремадуры истоптаны наемными войсками генерала Франко; ее маслинные рощи, фруктовые сады и горные пастбища с сотнями тысяч овец, несущих на себе дорогую шерсть, — захвачены кровавыми руками тех, кто хочет подчинить варварскому фашизму революционный народ Испании.

Но дать полное и конкретное представление о том, чем является миллион с лишним людей, населяющих Эстремадуру и стонущих под тяжестью фашистского угнетения и террора, не могут ни энциклопедические словари, ни военные сводки. Поэтому особенно ценно появление на русском языке повести испанского революционного писателя Сесара М. Арконады «Раздел земли», ибо в ней автор сумел показать крестьянство Эстремадуры — основное население этого края, его жизнь, голодную и нищенскую, его страдания и горести, беспощадную помещичью эксплоатацию и растущий протест против этой эксплоатации.

Сесар Арконада берет эпиграфом к своему роману слова Сервантеса: «Эстремадура богатая и знойная страна». И он показывает ее богатой, эту страну, зеленеющую пастбищами, покрытую плодородными полями, маслинными рощами и фруктовыми садами. Но он показывает, что богатство ее для богатых. Уже в прологе мы видим детей эстремадурских крестьян, по приказу учителя возносящих хвалу богу, сделавшему Эстремадуру богатой; из школы они «полуголые идут, дрожа, домой с лицами, вытянувшимися от голода... Они несут голод и холод и, как все вещи и люди Эстремадуры, несут также глубокую древнюю скорбь, которая неизвестно откуда пришла, но известно отчего произошла: это скорбь общей нищеты, долгая, отчаявшаяся, веками и веками давившая людей многих поколений».

Уже в своем предыдущем романе, так и озаглавленном «Бедняки против богачей», Арконада резко противопоставил два мира — эксплоататоров и эксплоатируемых. Проведший свое детство в деревне, хорошо знающий многострадальное крестьянство своей страны, он изобразил его жизнь с подлинным реализмом. Описывая революционные события 1930—1931 гг., он страстно обличал тогдашнюю республику, сохранившую монархических чиновников и монархические налоги, весь пресс, в течение веков выжимавший соки из испанского народа.

Новый роман Арконады еще более конкретен, чем предыдущий. Из этого романа вырастает во всей своей ужасающей грандиозности черная тень нищеты, которая легла на солнечные поля и горы Эстремадуры, отвратительный скелет голода, наложившего свою костлявую лапу на все живое в этих девственных и суровых местах, облик чудовищной эксплоатации, которая породила голод и нищету, болезни и темноту.

«Положение крестьян было трагическим, — пишет Арконада. — Для крестьян Робледильо существовал один выход: пастбища. Тот же выход, что и у свиней, овец, коз, коров... Крестьяне Робледильо кормились от заповедников. Если в заповедниках не было работы, вопрос был ясен: крестьяне не могли жить. Это было равносильно тому, как если бы какой-нибудь сумасшедший запер в хлеву свиней и не дал бы им есть». И это случилось.

Сесар Арконада и в этом романе показывает, что власть осталась попрежнему в руках помещиков. Они творят свою эксплоататорскую волю не только беспрепятственно, но и с помощью «республиканской» жандармерии. Но одно изменилось: «Теперь, при республиканском строе, крестьяне Робледильо хотят жить иначе... Им это обещали, и они хотят, чтобы это обещание было исполнено, и как можно скорее».

И вот перед вами два мира. Одни умеют «обманывать голод», другие—видят удовольствие в том, чтобы «калечить желудок несварением». Одни хотят «жить иначе», другие возражают: «Иначе? Это недопустимо! Они заражены марксизмом! Нет, нет, это не пройдет! Пусть сгниют заповедники! Никому и никакой работы! Хотят жить иначе? Восстают? — Посмотрим! Вызвать карательные отряды. В тюрьму их! Бандиты». И они уподобляются сумасшедшему, который запирает овцу в хлев и не дает ей есть. Но крестьяне — это уже не стадо овец, они имеют клыки, они умеют драться. И в деревне разгорается борьба — «такая большая борьба и в таком маленьком селе!» — восклицает автор. И он показывает эту борьбу, людей, их маленькие победы, их большие неудачи, их светлые перспективы.

Вековой гнет еще лежит тяжелым грузом на эстремадурском крестьянстве. Еще немало таких, как старик Блас, утверждающий: «Мой хозяин всегда благоразумен и добр, но он не заражен этими новыми идеями, которых теперь нахватались вы...» Но уже немало и таких, как Флориано, — он готов сделать все, чтобы разрушить этот мир несправедливости и угнетения, чтобы создать новую жизнь, хотя он не знает, как это сделать, не имеет еще ясного представления, какова должна быть эта новая жизнь. И появляются уже и такие, как Дамьян, которые понимают: «Если мы все не об'единимся, то погибнем». И, описав первую попытку крестьян Робледильо об'единиться, автор заключает: «Так жил народ. Без согласия, без единодушия, каждый посвоему. Одни готовы были подчиниться хозяевам. Другие хотели подчинить хозяев себе. Этим сказано все».

Арконада видит трагедию розни, но он знает — чтобы об'единить этот народ, нужна руководящая рука, нужен ум, который убедил бы старого Бласа, направил Флориано, показал бы цель, одинаково понятную и заманчивую для всех. И он знает, какова эта цель и кто может направить народ к борьбе за нее.

Арконада приводит в свою девственную и суровую деревню врача Педро Альфара. Выводя этого героя, занимающего одно из первых мест в повести, Арконада как будто хотел показать свой собственный путь к коммунизму. И это вторая побочная тема романа—о путях современной испанской интеллигенции.

«Альфар, — пишет Арконада, — не имел политической подготовки... Его потрясла суровая действительность эпохи — эпохи, полной социальной несправедливости... Неудачи, его личная неприспособленность заставили его ненавидеть буржуазное общество, самый эгоизм имущих классов; с другой стороны, сердечная чуткость склонила его к страданиям несчастных, униженных, заставила помогать им и поддерживать их в их жалобах и борьбе. Таких людей, как Педро Альфар, было немало среди тогдашней испанской молодежи — молодежи, выбитой кризисом из колеи. Это были последние жертвы отмирающего строя и первые жертвы того, которому еще предстояло народиться. Если бы они были революционерами, борьба вознаградила бы их за все. Но они ими еще не были. Они скорее мечтали стать людьми сильными, созидающими, мечтали вне эпохи, и это особенно живо чувствовалось именно теперь, в период безвременья, когда все разлаживалось, рушилось, было полно противоречий».

Педро Альфар, «больше из дружелюбного чувства, чем из желания руководить движением», стал первым другом и советчиком крестьян. Он пренебрег возможностью занять вакантное место за карточным столом среди власть имущих и предпочел посещать крестьянские лачуги, где безраздельно властвовали нищета, голод, болезни.

Педро Альфар выдвинул идею раздела земли. Заповедники пустуют, земля может дать хлеб, надо собраться всем вместе и вспахать эту землю, засеять ее, и тогда будет хлеб, который утолит голод.

Этот проект привлек всех — и стариков, не имевших ни работы, ни хлеба, и таких, как Флориано, который в будущем урожае видит осуществление всех своих личных мечтаний, и таких, как красивая Гвадалупэ, которая решила, что урожай даст ей возможность открыть лавку и стать богатой, и таких, как Дамьян, обрадовавшихся возможности об'единить всех для борьбы за новую жизнь.

Но Педро Альфар с самых первых шагов увидел всю шаткость этого проекта. Чем обработать землю, где взять тягловую силу, инвентарь? Крестьяне преодолели это препятствие, кое-как расковыряли землю. Но помещик? О нем они забыли. И он напомнил им о себе, вызвав из города жандармов. Они разогнали крестьян. Однако, польза была в этой затее — помещик решил сеять на распаханной земле, и крестьянам заплатили за несколько дней работы. Осталась надежда: может быть урожай они еще захватят.

Настало время уборки, и эта надежда рухнула. Помещик нанял рабочих в Португалии, и уборка производилась под охраной жандармов. Нищета, лишенная надежды, стала еще отчаяннее. Ко всем бедствиям прибавилась малярия. «Обессиленные тела, истощенные нищетой и малярией, валяются у дверей, в тени, полуумирающие, в невыносимой атмосфере, в накаленной тишине под незапятнанным небом, сияющим голубизной».

Где же выход? Педро Альфару теперь это уже ясно. Борьба научила его многому. Он понял, что все может изменить только социалистический строй; национализация земли, укрупнение этих мелких нищенских хозяйств, постройка промышленных скотобоен, колбасных и консервных фабрик — все эти мероприятия действительно дадут возможность использовать богатства Эстремадуры для всех трудящихся, а не для богатых. Устами Педро Альфара говорит уже сегодняшний Арконада, который записал в своей автобиографии: «Теперь я — коммунист. Это естественный конец. Иначе и быть не могло».

А крестьяне? Старики еще туже закутались в свои лохмотья нищеты. Молодые увеличили свои силы для борьбы. Флориано думал, что можно бомбами разрушить этот ненавистный мир. Но он убедился, что его бомба образовала только маленькую дыру в церковной стене, а церковь осталась стоять на месте. Остался священник, который добился изгнания из деревни Педро Альфара. Остались жандармы, посадившие в тюрьму Флориано и его товарищей.

Но разве это конец? Нет! И Флориано понял, что пути борьбы должны быть другие, и еще сильнее стала его вера в то, что «с революцией феодальная земля сеньоров перейдет к ним... километры девственных заповедников, тех заповедников, что стали бы производящей силой, благодаря их рвению и работе их рук, тех заповедников, что затем подняли бы их самих, воспитав их и переведя с низшей ступени рабства и животного состояния в высшую категорию людей».

Пусть враг еще силен, пусть ему удалось изгнать врача Педро Альфара, но в школе уже сидит молодой учитель, который рассказывает детям о новой жизни и о борьбе за нее. Идея борьбы созрела. Придут те, которые помогут утопающим в темноте, нищете и грязи крестьянам добиться своей цели. Раздел земли будет произведен, но уже по-новому и навсегда.

★

Сесар Арконада ярко и правдиво нарисовал жизнь крестьян Эстремадуры. Мы увидели их живыми, они стали понятными и близкими нам. Он дал свою картину несколько обособленно от всего движения, происходящего в стране, но он сумел в зеркале маленького села показать «такую большую борьбу». В этом заслуга автора, в этом ценность его произведения.

Сегодня на полях Эстремадуры властвуют бандиты из армии Франко. Сегодня Эстремадура испытывает еще более тяжелый гнет, переживает еще более удручающую нищету, чем раньше. Но крестьяне Эстремадуры уже познали идею борьбы и пути борьбы. И повесть Арконады еще сильнее убеждает нас в том, что тыл генерала Франко — это фронт против генерала Франко. Крестьяне хотят жить иначе, и они этого добьются.

Сесар М. Арконада. «Раздел земли». Перевод с испанского И. В. Гладковой. Журнально-газетное об'единение. М. 1937 г. Стр. 280. Ц. 2 р.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1787 год
«Дон Карлос»

Сто пятьдесят лет назад 29 августа 1787 года впервые был показан на сцене «Дон Карлос» Шиллера.

Шиллер работал над этой пьесой четыре года, неоднократно менял замысел и опубликовал несколько редакций: в стихах и в прозе. Дон Карлос, бывший по первоначальному замыслу основным героем пьесы, отошел затем на второе место и главным героем стал маркиз Поза.

Зрители первого спектакля встретили пьесу довольно холодно. И, тем не менее, из всех героев Шиллера маркиз Поза остается, наряду с Карлом Моором, одним из самых популярных. Вот уже полтора столетия поколение за поколением аплодирует речам этого пламенного мечтателя, который в самую мрачную эпоху инквизиции призывал бесчеловечного деспота Филиппа II дать его подданным мир и свободу.

В отличие от Карла Моора маркиз Поза не бунтарь. Он ждет спасения человечества от самого Филиппа. «Пером черкнуть вам стоит, — обращается он к нему, — и земля обновлена!» Он становится ближайшим лицом к Филиппу. Но союз этот рушится и Поза гибнет.

Разумеется, не эта наивная политическая программа Позы создала ему необычайную популярность во всем мире. Образ Позы воздействовал на зрителей и читателей своей возвышенной любовью к человечеству, своей готовностью к самопожертвованию, своей бескорыстностью.

Герцен признавался, что Поза — его любимый герой, и горячо спорил с Огаревым, симпатии которого были на стороне Фиеско. «Я любил Карла Моора как человека, — писал в «Литературных мечтаниях» Белинский, — обожаю Позу как героя». И главным образом под впечатлением «Дон Карлоса» он писал: «В поэзии Шиллера сердце его вечно исходит самой живой, пламенной и благородной кровью любви к человеку и человечеству, ненависти к фанатизму религиозному и национальному». Как горько был бы разочарован Шиллер, если бы мог предвидеть, что через полтораста лет его пьеса в его родной стране приобретает такую острую политическую актуальность, какую она могла иметь только во времена Филиппа.

1839 год
Умер
А. И. Одоевский

27 августа 1839 года умер поэт-декабрист А. И. Одоевский.

Ему было 23 года, когда он был заточен в Петропавловскую крепость. Проведя на каторге и в Сибири 12 лет, он был направлен по «милостивому» распоряжению царя рядовым на Кавказ, где и умер спустя два года от малярии.

Литературное наследство Одоевского очень невелико. Большая часть произведений, написанных им в Сибири, не сохранилась. Некоторые из его друзей утверждали, что им были написаны «многие тысячи стихов». Сохранилось же до нашего времени едва несколько десятков стихотворений.

В течение долгого времени реакционная критика пыталась представить Одоевского «поэтом христианской мысли». Трудно представить себе более грубую фальсификацию творческого облика поэта. Одоевский был одним из самых пламенных поэтов-революционеров. Немногие дошедшие до нас его стихотворения полны горячим призывом к свержению царизма. В ответ на знаменитое послание Пушкина «В Сибирь» он писал в том же духе:

Мечи скуем мы из цепей,
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы.

В этом же стихотворении он писал:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

Эту последнюю строку ленинская «Искра», выходившая в 1900—1903 гг., взяла своим девизом.

Чаяния и идеалы декабристов были выражены у Одоевского с исключительной силой и полнотой. И недаром его друзья по ссылке и каторге ставили его в один ряд с лучшими русскими поэтами.

СРЕДИ РЕДКИХ КНИГ

В вышедшей в 1872 году в Петербурге книге «Русские книжные редкости» приводятся сведения об изданном М. Кирилловым в 1845—46 гг. карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Автором этого словаря был Петрашевский — основатель революционного кружка русских фурьеристов, в котором участвовал и Ф. Достоевский.

Словарь Петрашевского не только справочник, — это тонкий памфлет, направленный против царского режима.

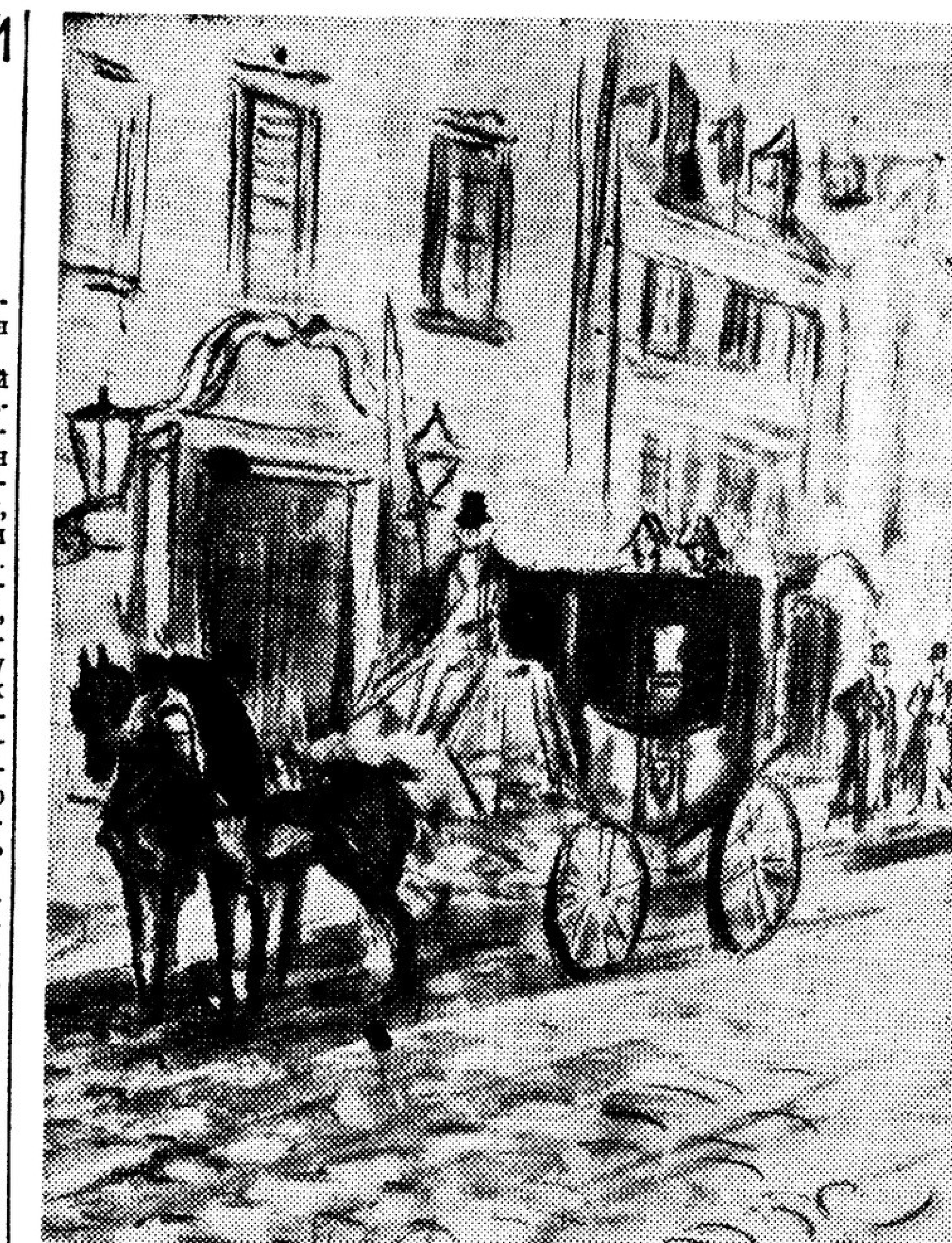
Вот об'яснение иностранного слова «ирония».

«Иронией называется различие между мыслью и формой ее выражения или между целью и средством ее достижения. Так, например, нельзя не припомнить иронического характера сочинения Макиавелли «О монархе», где он как будто бы с полным глубоким убеждением доказывает, что монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти между тем, как, принимая в соображения другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвала его деспотам суть не что иное, как сильная сатира».

Примерно в таких тонах составлен и весь словарь. Революционный характер словаря Петрашевского заставил правительство уничтожить его.

До наших дней уцелело только несколько экземпляров этой интересной книги.

Экземпляр словаря Петрашевского приобретен Государственным Литературным Музеем.

«На другой день после парада г-жа де Ланже послала свою карету с ливрейным лакеем дожидаться маркиза де Монриво с 8 утра до 3 часов пополудни».

Издательство «Academia» выпускает **«Историю тринадцати» Бальзака с иллюстрациями художника В. Бехтеева.**

Архивные материалы об А. С. Пушкине

В недавно выпущенном сборнике Центроархива «Архивное дело» напечатана статья директора архива внешней политики т. А. Юрьева **о 12 неизвестных документах об А. С. Пушкине.**

Среди этих документов, охватывающих период 1817—1837 гг., интересно собственноручное письмо графа С. Воронцова из Одессы от 9 июня 1824 г. графу Нессельроде (письмо написано на французском языке).

Воронцов «дипломатически» пишет:

«Пушкин представил прошение о своем увольнении. Не зная точно, следует ли в этом случае удовлетворить эту просьбу и не требуется ли представить свидетельство о болезни, я посылаю его Вам частным образом и прошу Вас или дать ему ход, или возвратить его мне, смотря как найдете удобным. В последнем случае соблаговолите сообщить мне, следует ли его возвратить ему, или нужно сопроводить его свидетельством и послать по форме».

В архиве хранится также написанное в Одессе рукой А. С. Пушкина на синей гербовой бумаге прошение Александру I об отставке. Датировано оно 2 июня 1824 г.

Прошение состоит из 4 частей, помеченных римскими цифрами.

В архиве внешней политики хранится также синяя обложка Петербургского главного архива за № 166, с изложением на французском языке содержания донесения рижского генерал-губернатора Паулуччи графу Нессельроде от 30 июня 1826 г.

В изложении сообщается, что Пушкин подал Паулуччи прошение на имя Николая I о разрешении выехать либо в Москву, либо в Петербург, либо за границу, и что мнение Паулуччи — не разрешать Пушкину выезд за границу.

Подлинного донесения Паулуччи и приложений к нему в деле не имеется.

Ряд документов относится к финансовым отношениям Пушкина с царским правительством — письмо за подписью графа Бенкендорфа графу Нессельроде от 10 мая 1832 г., подлинное отношение министра финансов Канкрина о ссуде А. С. Пушкину в размере 30.000 руб. ассигнациями, отношение старшего столоначальника I отделения I стола департамента хозяйственных и счетных дел министерства иностранных дел Юкина бухгалтеру МИД от 1 февраля 1837 г. за № 494 о том, что

«состоящий в ведомстве министерства иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин 29 генваря сего года скончался, о чем I стол I отделения департамента хозяйственных и счетных дел постановляет долгом сообщить к бухгалтерским делам».

Для заскорузлых чиновников царского министерства величайший русский поэт до конца дней своих так и оставался «титулярным советником в звании камер-юнкера»!

ДИН.

Новинки переводной литературы

«Всемирная библиотека» (Жургазоб'единение) выпустила две новые книги западных писателей: «No pasaran!» Эптона Синклера и «Холера» Людмила Стоянова.

«No pasaran» — последняя повесть знаменитого американского писателя. Она посвящена героической борьбе республиканской Испании против германо-итальянских фашистов и банды Франко.

В повести болгарского революционного писателя Стоянова «Холера» описывается вторая балканская война (1913 г.).

В предисловии автор пишет:

«Болгарская армия, по приказу царя Фердинанда и его военной камарильи, без формального об'явления войны напала на сербские позиции в Македонии с целью оккупировать так называемые «спорные территории» и поставить европейскую дипломатию перед совершившимся фактом».

Военные действия окончились поражением Болгарии. Союзные — сербские и греческие — войска отбили нападение и поставили под угрозу старые болгарские границы.

Автор показывает тяжелую окопную жизнь солдат, страдания раненых, мытарства больных холерою по перевязочным пунктам и госпиталям, рост недовольства в армии.

Романы «No pasaran» Синклера и «Холера» Стоянова издает также и Гослитиздат.

Новое в журналах

Седьмая книга «Молодой гвардии»

На обложке выходящего на-днях седьмого номера журнала «Молодая гвардия»—мужественное лицо Отто Юльевича Шмидта.

О завоевании Северного полюса рассказывается в очерках — Героя Советского Союза В. Чкалова «На оси мира» и Героя Советского Союза Г. Байдукова «В стране ледяного молчания».

В художественном разделе журнала напечатаны — рассказы молодых писателей К. Львовой и В. Ясенева, повесть Н. Попова «Человек растет», стихи В. Луговского — «Родина», Е. Долматовского — «Полюс» и новая автобиографическая поэма С. Олендера «Детство».

Интересны мемуары народного артиста Армянской ССР Ваграма Папазьяна «По дорогам мира». В них автор рассказывает о годах своего учения и работы в Турции, Венеции, в Милане.

Воспоминания заканчиваются 1913 годом, когда Папазьян «впервые вступил на землю той страны, в которой впоследствии — при совершенно изменившейся внешней и внутренней обстановке — ему суждено было найти свою вторую родину».

В отделе публицистики помещены речи М. Кольцова и А. Толстого на Втором конгрессе международной ассоциации писателей.

Под рубрикой «За рубежом» дан очерк Б. Макасеева «С киноаппаратом по революционной Испании».

В критическом отделе читатель найдет редакционную статью «Клевета на Советский Таджикистан» — о книге Б. Ясенского «Человек меняет кожу».

«Молодой колхозник»

Седьмой номер журнала «Молодой колхозник» откроется статьей маршала Советского Союза С. М. Буденного «Родина и патриотизм».

В журнале будут напечатаны — глава из четвертой книги «Тихий Дон» М. Шолохова, рассказ М. Салтыкова-Щедрина «Бессчастная Матренка», «Бессмертие» Матэ Залка, «Трое» Е. Рябчикова и др. В отделе поэзии: песня Н. Тихонова «Мы родились той ночью...» (о борьбе вольных горцев с феодалами), «Песня о луганском слесаре» (слова В. Гусева, музыка Д. Покрас) и др.

Среди остального материала — очерки: профессора Н. Зубова «Северный полюс», Г. Яффе «Великий садовод» (о Мичурине) и статья В. Орлова «Как шпионит церковь», показывающая шпионскую деятельность церковников в царское время и в период гражданской войны.

Номер иллюстрируется художниками Ин. Кеша, Евганом, Д. Красильниковым.

Книжная хроника

ГОСЛИТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ:

★ **Пятьдесят первый том** юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого. В томе публикуются дневники и записные книжки писателя за 1890 год.

★ **«Разорение» Гл. Успенского.** Очерки выходят под редакцией со статьей и комментариями А. Глинки-Волжского.

★ **«Под небом родины моей»** — сборник стихов Ст. Щипачева о великом вожде человечества Вл. И. Ленине, о гражданской войне, о социалистическом строительстве. В книгу также включен цикл лирических стихов, посвященных явлениям природы.

★ **«Гордубал»**—роман из жизни крестьян Чехии известного чешского писателя Кареля Чапека.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ВЫПУСТИЛА:

★ **«Город юности» Ю. Жукова и Р. Кронгауз.** В книге рассказано о том, как комсомольцы строили в глухой тайге новый город «Комсомольск» или, как его называют, «Город юности». Цена книги — **2 р. 50 к.** Тираж — **25.000.**

★ **«Молодежь под игом фашизма»**—сборник материалов о тяжелом положении молодежи в фашистских странах—Германии, Италии, Японии—и в других капиталистических странах. Сборник составлен Ф. Книттелем. Цена—**40 к.** Тираж—**30.000.**

Оскорбление памяти Лермонтова или «Бум-бум» на страницах «Комсомольской правды»

20 августа «Комсомольская правда» напечатала письмо некоего Литошенко, обвиняющего «Литературную газету» в оскорблении памяти Лермонтова. Оскорбление это, по мнению редакции, заключается в том, что «Литературная газета» процитировала отрывок из статьи А. Васильчикова, опысывающий сцену дуэли Лермонтова с Мартыновым. «Васильчиков бессовестно исказил действительность... И вот на показания этого негодяя — одного из убийц Лермонтова — ссылается «Литературная газета!» — с негодованием пишет «Комсомольская правда».

Общеизвестно, что Васильчиков, как один из соучастников убийства Лермонтова, исказил историю ссоры Мартынова с Лермонтовым. Ни один исследователь Лермонтова поэтому не пользуется этой частью его воспоминаний.

Что же касается описания сцены самой дуэли, то пройти мимо воспоминаний Васильчикова невозможно. Все другие сохранившиеся рассказы и воспоминания о дуэли записаны не со слов очевидцев, а в лучшем случае из вторых рук. Васильчиков — единственный из очевидцев сцены дуэли, описавший картину гибели поэта. Его рассказ об этом и в частности два важнейших приводимых им факта: что Лермонтов не стрелял и что он был убит наповал, никогда и никем не были опровергнуты. Нужно добавить, что до выступления «Комсомольской правды» никто не усматривал в пользовании этой цитатой из Васильчикова оскорбления памяти поэта. Именно эта, и только эта, цитата и была приведена в «Литературной газете».

Выступая против свидетельства Васильчикова, «Комсомольская правда» в святой простоте опирается на авторитет П. К. Мартьянова — писателя, поставлявшего некогда в казенно-патриотические журналы («Солдатская беседа» и др.) рассказы и стишки, подписанные псевдонимами: «Бум-бум», «Петя», «Кактус», «Крюк» и т. п. Вот этот самый «Бум-бум» поместил в суворинском «Историческом вестнике» (приличные журналы его никогда не печатали) статью, в которой, также не оспаривая сделанного Васильчиковым описания самой дуэли, назвал все остальные его утверждения «длинным рядом неправд, инсинуаций и макиавеллистических уязвлений покойного поэта».

Приведя эту цитату, «Комсомольская правда» стыдливо поставила многоточие и, пропустив несколько фраз, продолжила ее: «Оба они (Васильчиков и Мартынов) были сообщниками...» и т. д. Если бы вместо многоточия «Комсомольская правда» вписала недостающие фразы, то читатели с изумлением узнали бы, что одной из важнейших «инсинуаций» Васильчикова является «его свидетельство о нерасположении к поэту при дворе и неблагоприятном отзыве о нем высокопоставленного лица»[1]. Вот где, оказывается, зарыта собака! Нападая на Васильчикова, «Бум-бум» брал под защиту не столько Лермонтова, сколько... Николая I.

Мы приведем еще одну цитату из этой же статьи «Бум-бума», чтобы «Комсомольской правде» стало ясно, к чьей помощи прибегла она для «защиты» памяти Лермонтова:

«Император Николай Павлович, — с благоговением пишет «Бум-бум», — получив донесение о кончине поэта, выразился так: «Получено с Кавказа горестное известие: Лермонтов убит на дуэли. Жалею его. Это—поэт, подававший великие надежды». Сожаление государя о безвременной смерти поэта горячо разделяла находившаяся тогда в Петербурге великая герцогиня веймарская Мария Павловна. Появление в прессе такого милостивого отзыва царя о поэте опровергает, заявленное князем А. И. Васильчиковым в статье «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» с таким апломбом и нашедшее в некоторых кругах сочувственные отклики утверждение, что Лермонтов вообще был нелюбим в гвардии и петербургских салонах, что при дворе его считали вредным, неблагонамеренным и по фрунту дурным офицером, что, когда его убили, государь сказал: «Туда ему и дорога!» и что все петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надгробное слово»[2].

Ограничимся этой цитатой, в которой «Бум-бум», ставший почти через 40 лет после своей смерти непререкаемым ученым авторитетом для «Комсомольской правды», тщетно пытается снять с Николая и великосветского общества ответственность за травлю и гибель Лермонтова. Не ясно ли, что ссылка на писания царского холуя Мартьянова является действительным оскорблением памяти Лермонтова?

Мы не ставим вопроса: с какой целью «читатели», подобные Литошенко, пытаются использовать нашу прессу для пропаганды грязных, клеветнических писаний таких певцов самодержавия, каким был «Крюк», «Петя» и «Бум-бум» — Мартьянов. Цель слишком ясна. Но вполне уместно спросить: на что рассчитывают подобные «читатели», направляя свои письма в «Комсомольскую правду»? Неужели на невежество некоторых редакционных работников? Если так, то нельзя не признать, что в данном случае расчет был правильный.

[1] «Исторический вестник», 1892 г., сб. 4, стр. 107. Издание Суворина.

[2] «Исторический вестник» 1892 г., сб. 4, стр. 110.

На выставках и в музеях

★ Московский союз советских художников решил организовать в 1938 году большую выставку **«Иллюстрация и оформление детской и юношеской книги».** Одновременно с выставкой будет проведена конференция по вопросам оформления детской и юношеской книги.

★ Государственная Третьяковская галлерея устраивает осенью этого года выставку произведений **О. А. Кипренского.** На выставке будут собраны картины и рисунки Кипренского из центральных и периферийных советских музеев, а также из частных коллекций.

★ Каждые десять дней в малом выставочном зале Всекохудожника (Кузнецкий мост, 11) организуются **выставки работ молодых художников.** 21 августа открылась выставка картин и этюдов **С. А. Емельянова.**

★ Московский союз советских художников образовал комитет по устройству **всесоюзной выставки советских художниц «8 марта»,** которая откроется к международному женскому дню 1938 года.

В комитет вошли заслуженные деятели искусств Ф. Ф. Федоровский, Д. С. Моор, скульптор В. И. Мухина и др. Предполагается, что в выставке примут участие зарубежные революционные художницы.

Гора родила мышь

Эта старая пословица невольно приходит на ум посетителю Всесоюзной Пушкинской выставки, когда ему предлагают «Краткий путеводитель», составленный явно наспех, с пропусками, с перечнем материалов, которых самый внимательный зритель не найдет в выставочных залах.

На переплете этого довольно изящно изданного путеводителя стоит загадочная римская цифра «I». Книжки с цифрой «II» в природе не существует.

Если вы обратитесь за раз'яснением к кому-либо из администрации выставки, вам скажут, что путеводитель под номером «I» составлялся с расчетом, чтобы он вышел в свет в день открытия выставки (он не поспел к этому дню). Он составлялся поэтому до того, как экспозиция была закончена, кроме того экспозиция была позднее значительно видоизменена. Относительно цифры «I» вам расскажут, что за этим первым путеводителем должен был выйти второй, более полный, а затем предполагалось выпустить альбом и научное описание всей выставки.

Так предполагалось, но, увы, так не вышло.

Помочь ознакомлению с этой единственной в своем роде выставкой, на которую потрачено так много знаний, труда, которая подводит итоги пушкиноведению за 100 лет, этот горе-путеводитель **№ 1** не может.

Это ли не мышь, рожденная горой? Если администрация выставки не сумела или не смогла обслужить те тысячи посетителей, которые ежедневно проходят по залам выставки, то она обязана позаботиться хотя бы о будущем. Если ее собственный научный аппарат недостаточен для довольно сложной и весьма ответственной работы по составлению научного описания или хотя бы даже просто толкового каталога выставки, то она должна пригласить на эту работу специалистов со стороны.

Заняться этим нужно немедленно.

Н. Н.

О конкурсе на памятники Пушкину и Горькому

В союзе советских скульпторов 23 августа состоялось совещание, посвященное конкурсам Всесоюзного комитета по делам искусств — на проекты памятников Пушкину и Горькому и конкурсам Моссовета — на памятник Павлику Морозову и монумент «Челюскинцам».

С сообщением выступила скульптор Е. Блинова. Она указала, что Комитет по делам искусств и Моссовет проводят конкурсы бюрократически, не привлекая к работе основных кадров скульпторов. Среди участников конкурсов мы находим одних и тех же 10—12 скульпторов, которым одновременно даны заказы и Моссоветом и Комитетом по делам искусств.

В результате бездеятельности отдела проектирования Моссовета сроки конкурса на монумент «Челюскинцам» три раза откладывались — с 1 января до 1 мая, с 1 мая до 1 августа и с 1 августа до начала октября.

Та же картина наблюдается и с остальными конкурсами.

Скульптор Б. Д. Королев обратил внимание собравшихся на то, что срок конкурса на памятник Горькому истекает 1 октября. Между тем до сих пор для памятника Горькому не выбрано место в Москве. Это крайне затрудняет составление эскиза проекта, не говоря уже о его дальнейшей разработке.

О больших недочетах в организации конкурсов говорили скульпторы И. А. Андреев, З. С. Ракитина и др.

Представители Комитета по делам искусств при СНК СССР и Моссовета явиться на совещание скульпторов не сочли нужным.

СТИФ

Сигналы печати правильны

Статьи «Правды» и «Литературной газеты» о работе издательства «Academia» обсуждались 21 августа на общем собрании сотрудников издательства.

Докладчик, директор издательства т. Янсон, признал факты, сообщенные в статьях, совершенно правильными.

Но доклад мало удовлетворил собрание. Выступавшие в прениях тт. Игнатюк, Сокольников, Радкевич, Севортян, Грушин и др. отмечали, что докладчик, перечислив ошибки издательства, не сделал из них соответствующих политических выводов.

Единогласно принята резолюция, признающая критику издательства в печати вполне справедливой.

О плане работы ССП

1 сентября в 12 часов дня состоится заседание президиума правления союза советских писателей.

На обсуждение президиума будут поставлены вопросы о плане работы ССП на сентябрь—декабрь (докладчик — т. Ставский) и о составе ССП (прием и исключение).

На заседание президиума вызываются представители Белоруссии, Башкирии, Азербайджана, Татарии и Чувашии.

В издательстве «Советский писатель»

Как работало издательство «Советский писатель» в первом полугодии 1937 г.? Как должно работать издательство в будущем?

Обсуждению этих вопросов будет посвящено общее собрание пайщиков и членов группкома издательства «Советский писатель».

Собрание состоится сегодня в 6 часов вечера в помещении издательства.

Писатель И. Бабель пишет пьесу для детей

Центральный дом художественного воспитания детей РСФСР им. А. С. Бубнова обратился к ряду советских писателей с предложением написать пьесы для детской самодеятельности.

Первым на призыв ЦДХВД откликнулся писатель И. Бабель, который из'явил согласие написать пьесу для детских театральных кружков.

«Художества» Е. Переваловой

Мы не осведомлены о том, как ведет себя Е. Перевалова в своей личной жизни. Однако мы получили возможность оценить ее общественное поведение. По крайней мере мы знаем, какими принципами руководствуется она в литературе. Здесь, по ее мнению, не зазорно присвоить чужой труд. Разве мысль является чьей-нибудь монополией? И не должен ли автор «первоисточника», если он человек бескорыстный, быть благодарным за то, что кто-то «популяризирует» его идеи?

Весь вопрос, полагает Перевалова, только в мере и форме «заимствования». Одно дело — присвоить чужой труд целиком, другое дело — компиляция, пересказ, легкое изменение отдельных формулировок, на худой конец — использование для колорита нескольких абзацев.

По этому именно методу и сработан опус Переваловой «А. И. Герцен», помещенный в № 2 «Сибирских огней».

На первый взгляд, статья как статья. Не всякий сразу заметит, что автор насквозь «проштудировал» — не произведения Герцена— о, нет! — а только книгу И. Новича «Духовная драма Герцена». Но очень скоро метод Переваловой вылезает, как шило из мешка. Это — метод халтурщика, человека, лишенного собственной мысли, не уважающего своего читателя и подсовывающего ему в ухудшенном виде чужие высказывания.

Пока нашему, с позволения сказать, литературоведу не изменяет выдержка, он еще кое-как заметает следы. Но выдержки хватает ненадолго и Перевалова, нисколько не стесняясь, начинает «перекатывать» у Новича целые фразы и абзацы. Правда, и здесь она прибегает иногда к маскировке, но уже весьма «облегченного» типа: то два-три слова пропустит, то имя заменит местоимением — или наоборот, то соединит две фразы в одну и т. д.

У Новича, например, написано:

«В это-то время Герцен приехал в Европу из России крепостного права, где ему снились социалистические утопии, западно-европейские «свободы» и пышный расцвет наук, искусств, человеческой личности» («Духовная драма Герцена» — стр. 83).

Перевалова «уточняет»:

«В 1847 г. Герцен уезжает в Европу, полный веры в западно-европейские «свободы», в расцвет наук, искусств, в человеческую личность».

У Новича:

«Вместо всеобщего братства Герцен сразу видит два Парижа, как он пишет в «Письмах из Франции и Италии»: Париж — «за цензом стоящий», плебейско-демократических «низов» общества — работников, консьержей, швей, слуг, нищих, и Париж — «за ценз стоящий» — аристократических «верхов» общества, буржуа, рантье, лавочников» (стр. 84).

У Переваловой:

«Но вместо всеобщего братства он увидел во Франции два Парижа: один — «за цензом стоящий», плебейско-демократических «низов» общества — работников, консьержей, швей, слуг, нищих, и Париж «за ценз стоящий» — аристократических «верхов», буржуа, рантье, лавочников».

У Новича:

«При первой же вести о революции 1848 г. во Франции, он стремительно возвращается в Париж»... и т. д. (стр. 86). В следующем абзаце на стр. 85: «Проявлявший известную боязнь перед крестьянско-демократической революцией в России, Герцен на Западе горячо приветствовал парижский народ, свергший монархию Людовика-Филиппа. Искандер безоговорочно встал на сторону блузника, «обтершего сапоги о подушку трона и водрузившего на нем красное знамя при криках: «Vive la Republique!»

У Переваловой:

«Но при первой вести о Февральской революции 1848 года, он возвращается в Париж и восторженно приветствует народ, свергший монархию Людовика-Филиппа. Герцен становится на сторону блузника, «обтершего сапоги о подушку трона и водрузившего на нем красное знамя при криках: «Да здравствует республика!»

Сердобольные люди начнут доказывать, что никакого криминала в деяниях Переваловой нет — оба, мол, пользовались одним источником, опирались на одни и те же факты биографии Герцена, следовательно, могли произойти и «казусы».

Мы предложим вниманию этих снисходительных людей еще одну цитату, представляющую собою не «изложение об'ективных фактов», а, так сказать, стопроцентную авторскую ремарку.

У Новича:

«Когда, однако, сталкивались две силы: картечь самодержавия и топор мужика, крепостное право и возможность нового пугачевского похода, злодейства помещиков и призрак красного петуха, — выбор был для Герцена ясен: он выбирал, как и подобает революционеру и демократу, — топор, Пугачева, красного петуха: пусть совершится судьба!» (стр. 72).

У Переваловой:

«Когда сталкивались две силы — картечь самодержавия и топор мужика, крепостное право и возможность нового пугачевского похода, злодейство помещиков и призрак красного петуха, то Герцен решительно предпочитал — топор, Пугачева, красного петуха: пусть совершится судьба!»

Навряд ли потребуются дальнейшие комментарии. И без них ясно, что Перевалова проявила в начале своей «критико-литературоведческой» деятельности многообещающую активность, и что редакция «Сибирских огней» дала плагиатору себя обмануть.

ЯНЭ

Ответственный редактор **Л. М. СУБОЦКИЙ.**
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, По следний пер., д. 26, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страст ной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита Б—22424.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.